

*Не увидишь, хоть полсвета обыщи,
Ты картины, где бы склезились клещи.*
Автор

— Ты чем, Сережа, думаешь-то?
— Головой!
— У тебя на этом месте, Сережа, жопа!
Цитата из х/ф «Жмурки»

Двадцать восьмого августа уже с утра стояла жара, словно в Таиланде, поэтому к вечеру Настя больше не хотела, а я уже не мог. Мы молча лежали под простыней, любуясь пейзажем за окном. Синяя с чудными рыбами простыня прикрывала нас от коленок до пупа, позволяя августовскому вечернему солнцу осушать наши тела.

Моя квартира расположена на пятнадцатом этаже, окна-аквариумы — до самого пола и смотрят на запад. В конце лета солнце закатывается в воду Енисея сразу за мостом и, едва коснувшись раскаленной глади, медленно скрывается за горой, утыканной новыми многоэтажками и огромной башней сотовой связи. Зрелище завораживающее, но сильно уж жарко в квартире в такие часы. Давно пора поставить кондиционер, да все никак не соберусь.

Любуясь картинными закатами, я иногда вспоминаю отца. Это он купил мне эту студию, пожил тут со мной пару недель и снова укатил в свой ледяной Норильск командовать одним из цехов промышленного гиганта.

— Я же фотогигиеническая? — лениво промурлыкала Настя, делая на фоне заката двадцать пятую самусебяшную фотку за вечер.

— Очень! — подтвердил я и подумал, что такого ярко выраженного нарциссизма не встречал, пожалуй, еще ни у кого.

Я продаю не какие-то вшивые «Жигули», а «Лэндроверы», «Ягуары» и «Форды» крутым дядькам и солидным компаниям. Торгуем маслами, шинами, проводим техосмотры, ремонтируем, моем и тюнингуюем то, что продали прежде. Но если бы не отец — я бы никогда не купил себе эту квартиру.

А Настя — та дура с облупленными пятками, что лежит сейчас рядом со мной под простыней и сейчас попросит сходить к холодильнику за пивом, — думает, что это у меня столько своего бабла и с гордостью рассказывает своим подругам, что трется с новым русским. Она думает, что если я продаю «Ягуары», то с каждой

зарплаты могу покупать себе по две таких тачки! Фигу! При всех плюсах моей работы я за четыре года ни разу не получил там больше тридцати штук в месяц. Шефа тоже можно понять: деньги с неба не падают. Поэтому у меня в данный момент даже машины нет. Езжу как лох на автобусе или — если по делам — на казенных «Форде» или УАЗе Патриоте.

Кстати, сам шеф приезжает на работу на праворуком «Крузаке» далеко не первой свежести. Количество миллионеров в нашем городе не настолько велико, как в Сингапуре, и даже эти жулики далеко не всегда выбирают те машины, что я им предлагаю, надев на лицо безупречную улыбку и сделав честные глаза. Автомобильный бизнес — дело шаткое.

Но бабам это знать необязательно. На некоторых баб, кстати, можно даже денег много не тратить! Смотри на нее сверху вниз, разговаривай, как с душой, и делай вид, что круче тебя только Эверест, а все бабы для тебя — мусор. И они будут липнуть к тебе, как майка на жаре!

— Серж, принеси пива, плиз! Сри, как солнце садится! Круто!

— Серж, я хочу в кафе! Или в ресторан! — Настя лениво шевелила губами, глядя на красное небо. — Или один мой приятель сдает коттедж посуточно. Там так классно! Давай пригласим твоих парней из фирмы, а я девчонок своих приведу. И устроим там оргию! С фейерверком! Помнишь, как на свадьбе было классно?

Я тоже смотрел на багровое небо. Нет, хоть в чем-то отец — молодец! Если бы не эта хата на пятнадцатом этаже с видом на Енисей, мост и все закаты, — пускать пыль овцам в глаза было бы куда сложнее.

Иначе вариант был бы только один: бабкина хата на Красрабе на втором этаже старой пятиэтажки с алкомаркетом под ней и шикарным видом на павильоны с шаурмой и пивом. Днем и ночью мимо окон едут машины, шумят, копят, и им нет конца. Я еле сдал эти развалины в аренду!

Когда я был маленький и бабушка была жива, я подолгу стоял у окна и ждал, когда машины закончатся. Ведь не может же их быть бесконечно много?! Позже я стал запоминать отдельные машины и потом долго ждал — когда же они проедут мимо моего окна во второй раз. Ведь коли они не прекращаются — значит, ездят по кругу! Я не дождался ни одной машины, которую перед этим запоминал, и это поставило меня в тупик.

Я учился на третьем курсе института, когда скоростно умерла бабушка. Конечно, мне было ее жаль. Горы таблеток и тюбики с мазями еще несколько месяцев лежали на подоконнике, прежде чем я настроился их выкинуть, а ее старую медную иконку зачем-то храню до сих пор. С иконкой вообще все очень странно: бабушка была человеком советской закалки, хоть и беспартийная. Всю жизнь работала технологом на «Сибстали», никогда не праздновала ни Рождество, ни Пасху, а после смерти я нашел у нее иконку из потемневшей меди с распятым Христом и какими-то буквами. Думаю, эта иконка досталась ей так же, как и мне.

Умерла бабушка, надо сказать, очень вовремя: я был уже взрослым, сам мог варить себе пельмени и жарить омлет, а своя квартира для молодого парня — это целая вселенная. А я, вместо того чтобы таскать в хату девок, раз в три дня бегал в аптеку и стабильно раз в месяц в последний год ее жизни вызывал скорую помощь. Тетя Шура, бабушкина подруга, что помогала растить оболтуса, перекрестила меня в последний раз на ее похоронах и исчезла навсегда.

Теперь эту хату я сдал тем ребятам, которые торгуют шаурмой и пивом напротив моих окон через дорогу. Эти деньги здорово меня выручали и выручают: отец бабло перегонял нерегулярно, у него были какие-то свои проблемы и со второй женой, и с их детьми, со здоровьем этих детей, росших в Норильске при свете фонарей восемь месяцев в году при минус сорока градусах.

Честно говоря, меня эти чужие проблемы всегда волновали мало. Я хорошо окончил школу, поступил в ближайший к дому институт, потом год курил траву в железнодорожных войсках, потом все-таки окончил институт и стал менеджером и экономистом. То есть я стал на фиг не нужен никому, как и все окружающие оказались пофиг мне.

Пять лет я мыкался с одной работы на другую, из одного гипермаркета в другой универсам, пока через одного знакомого ни устроился в этот автосалон. Через месяц случилось чудо: приехал отец и купил мне эту хату. Началась светлая полоса. Бабкину квартиру я сдал, новую переделал в студию в почти пятьдесят квадратов, заказал подвесной потолок со звездами и луной, повесил телевизор на полстены, поставил койку пошире в стиле барокко, а в ванную — джакузи, которую бедные таджики еле туда закорячили.

И столько сразу появилось новых знакомых, друзей и подруг, что телефон верещал не переставая, а у моего барокко через год треснула спинка! Сейчас моей целью жизни был новый унитаз с электронным управлением, но все деньги, что получалось не потратить на веселую жизнь холостого мужчины, я откладывал на покупку своего авто. До этого у меня побывало четыре праворуких «японки», но в этом сезоне я все продал, стойко обходился казенным «Патриотом» и копил деньги на хорошую машину. Что попало брать больше не хотелось. Хороший автомобиль, желательно спортивное купе из салона, мне необходим к образу. А унитаз... пусть он пока так и остается мечтой.

— Оргия — это когда я буду тереть твою подругу, а Вован с Олегом будут тереть тебя? Вован, кстати, на Катиной свадьбе в твою сторону изрядно вибрировал.

— А мне что с того? Серж, как же ты груб! Фу! — Она прикрыла грудь синим покрывалом, как бы давая понять: насколько глубока степень и глубина ее обиды.

Как будто я не знал, что поговорка: «А тому ли я давала?» для нее потеряла актуальность еще в школе.

— Почему меня обязательно кто-то там будет тереть? Мы там просто повеселимся! Там есть караоке, светомузыка. Можно поиграть в бильярд. Он, оказывается, такой широченный! — Она мечтательно задумалась на секунду и тут же переключилась на другую тему: — А рядом лес! Мы можем сходить туда...

— Потереться! — опередил я ее.

— Серж! Я в конце концов обижусь! За грибами! Представь — как это романтично: есть жареные на шампуре грибы и пить хорошее вино! Ну, Серж! Ну, оргия — это просто я так выразилась! От слова «орать». Поорем там от души! Скоро зима, а мы с тобой так ни разу и не съездили за город!

— Коттедж так коттедж. Но если Вован тебя там склеит — я склею всех твоих подружек прямо на бильярде! Сколько там за сутки берут?

— Серж! Склеишь там меня только ты! А твоему Вовану я привезу дурочку из библиотеки!

Расценки на коттеджи я примерно знал, зарплату недавно получил, так что можно было пустить пыль в глаза еще паре таких же Насть и неплохо отдохнуть на природе. Что еще делать неженатому мужику в тридцать три года, когда деньги есть и здоровья хоть отбавляй? А перед Новым годом надо будет снова записаться в спортзал, согнать лишнее, подсушиться, сделать несколько сеансов массажа и хорошую прическу. Кроме того, что я по жизни мачо, я еще и негласный секс-символ фирмы, где работаю. И, думаю, к концу года меня ждет неплохой бонус от шефа за отличную работу и примерное поведение.

— Есть за десять, но там ваще отстой! А рядом есть за пятнадцать. Он побольше, там сад с деревьями и мангалом. Рядом горка есть с полянкой. Серж, давай тот, что за пятнадцать! Ну пожа-алуйста!

Сине покрывало вновь съехало до уровня ее пупка.

— Ладно, давай за пятнадцать! — Я скинул покрывало на пол, включил телевизор и почти силой положил ее левым ухом себе на пуп. — Давай за пятнадцать! Давай, детка, давай! Сейчас все зависит от тебя! Давай!

Двадцать девятого августа, в понедельник, я переговорил с Вованом, Олегом и еще парой сослуживцев на тему: где встретить осень. Разногласий не оказалось: наш народ всегда был скор на подъем, относительно молод, охоч, не лишен своеобразного юмора закоренелого торгаша и фантазии молодого человека, посиживающего за рулем пусть казенного, пусть стоящего в салоне, но «Ягуара». Честно говоря, я не был в большом восторге от этой идеи про оргию, но Настя вчера сделала все от нее зависящее, да и корпоративы в нашей фирме приветствовались: считалось, что так люди ближе узнают друг друга и потом лучше работают в команде.

Через час после планерки я робко постучал в кабинет шефа. Секретарша сказала, что тот сейчас один и мне можно, по крайней мере, постучать в дверь.

— Да! — раздалось из-за двери, и я нажал на ручку.

— Иван Николаевич, разрешите отвлечь на одну минуту? — на три тона выше обычного пропел я, став на пять сантиметров ниже.

Я остановился на пороге, держась за ручку двери и готовясь выпрыгнуть наружу, если вдруг окажется горячо.

— Иван Николаевич, мы бы хотели съездить за город на выходных. Впятером. Ну, обычной нашей компанией. Если нет никаких срочных дел, конечно.

Выходные для нас были понятием относительным: мы работали сколько надо и когда надо, поэтому уехать за город в субботу и вернуться на работу в понедельник шанс у нас был, но не стопроцентный.

Шеф пробуровил меня взглядом и, не думая ни секунды, буркнул:

— Хорошо что зашел. Не хотел об этом на планерке. Завтра тебе надо метнуться в Новосиб. Пришли две новых модели. Возьмешь всю документацию, осмотришь там все, подпишешь все, что надо. Подробности у Тани. Командировочные тебе выпишут после обеда. День туда, день обратно. День там. Приедешь, отчитаешься — и на выходные свободны. Все, кроме Вована. Он мне в субботу нужен. Будет важный человек. Вопросы?

Мне ясно было сказано, что подробности у секретарши, но в мозгу полыхнуло, звякнуло, радостно ойкнуло, и я все же рискнул задать один вопрос:

— Мне придется подписывать документы на поставку новых машин от имени фирмы?

— Да. Работаете ты давно, в пьянке на рабочем месте не замечен, значит доверять тебе можно. Печати и подписи на всех бумагах проверь перед отъездом лично. Будут вопросы — сразу звони лично мне. Предварительно я созвонился, так что тебя ждут.

Я вышел из кабинета, прикрыл за собой дверь и понял, что я — молодец. Двигаюсь в верном направлении и скоро нагну самого лысого, то есть Вована. Правда, до этого еще надо дожить. Вован — правая рука начальства, зато я еду за новыми тачками в головной офис! Вован облезет! И хорошо, что он не участвует в нашей оргии в коттедже. А то, если бы он там потянул руки к моей Насте, все, что я бы смог, — это выразить свой протест в письменном виде. А ведь он бы точно потянул! Такая конфета с этой лысой тварью! На год старше меня, двое детей живут со второй женой, а он строит из себя бог знает кого. Конечно, на работе мы всегда улыбаемся друг другу, но я чувствую, что этот засранец уже давно почуял неладное и утопит меня при первой же возможности. Только я ему такой возможности не дам! И своей бабы я ему теперь ни пяди не уступлю! Обстоятельства явно изменились.

Хотя с другой стороны — моя койка в случае чего больше недели пустовать не будет. А вот этому лысому правой рукой шефа, видимо, быть осталось недолго, раз в Новосибир еду я.

— Сергей, ты хотел меня видеть? — Ко мне подошел Олег и протянул руку.

— Галстук поправь! — Я напустил грозный тон, окинул его щуплую фигуру с ног до головы и только тогда нехотя пожал в ответ.

Нет, этот мне точно не конкурент. Работает год, справляется, но выглядит рядом со мной как «Фокус» рядом с «Икс Джей 12».

— В субботу вечеринка в коттедже. Едем с ночевой. Цена — по пятерке с хрена. Бабы будут, так что своих никого не тащи. Деньги собирает Михаил. Вован тоже хотел ехать, но шеф его хочет видеть в субботу тут. Съездите с Ваней или Мишей, провентилируйте про мясо на шашлык, но заранее не берите! Возьмите пока бухло, гондоны. Ну и так что-нибудь, не знаю... Конфеты, что ли. Или зелень! Точно! Овцам же зелень надо! — И я рассмеялся.

Не потому, что так удачно пошутил про овец и зелень, а потому, что изнутри меня распирала радость по поводу моего пока горизонтального, но карьерного роста. Я хлопнул Олега по плечу и небрежно добавил:

— Я после обеда уезжаю в Новосибирск подписывать контракт на продажу новых моделей. Буду в конце недели. Вопросы будут — звони мне лично!

Я говорил с младшим по званию таким же тоном, каким шеф только что говорил со мной, и это придавало мне веса в своих глазах. И еще я точно знал: похлопывая человека по плечу или называя его малышом, ты задаешь его мозгам программу на годы вперед: он — мозгляк по сравнению с тобой и всю оставшуюся жизнь будет где-то в глубине души, на подсознательном уровне, знать, что ты — главное его, умнее и старше по званию.

Мозгляк криво улыбнулся, хотел что-то спросить, но я его опередил:

— Свободен! Иди в зал! Там клиент возле машины трется! Как бы капот не поцарапал! — И повернулся к секретарше:

— Татьяна Даниловна! Иван Николаевич оставлял для меня документы по Новосибирску?

Оказывается, на меня уже заказан билет в купе на восемь вечера. Как и велел шеф — проверил каждую бумажку. Придаться было не к чему. Получил в кассе командировочные, съездил домой, собрал кейс, побрился, и в восемь вечера помахал рукой сияющему после капитального ремонта железнодорожному вокзалу Красноярска.

Тридцатого августа, утром, когда в окнах моего вагона мелькали неказистые пригороды Новосиба, позвонила Настя и сообщила, что у нее набирается столько подружек, желающих провести выходные в коттедже на Овинном, что хоть конкурс красавиц проводи.

«Поддеревни доярок, — подумал я, — припрется в красных платках с натертыми свеклой щеками!» Вслух я это не сказал, но на всякий случай напомнил несколько прописных истин: лучше одна неприличная девушка, чем три приличных, времени на медленные танцы там не будет, и поинтересовался — участвуют ли дамы в системе оплаты коттеджа или у них какие-то другие обязательства перед клиентами? Кредит? Рассрочка платежа? Неожиданностей не случилось: дамы оказались неплатежеспособны, но сговорчивы. На том и порешили.

Поскольку я уехал — моя кровать в качестве отборочного тура, к сожалению, отпадала. Настя поругала меня за чрезмерный цинизм, пригрозила муками ревности и пообещала, что четырех девчонок отберет как-нибудь сама. Я не стал говорить, что со шлюхами я церемониться не привык, а мальчиков будет не пять, а четыре.

Лишняя дама добавит перцу в наше и без того горячее блюдо! Тем более что не будет именно Вована, а это значит, что главным самцом в компании автоматически становлюсь я.

В последнюю неделю августа столица Сибири плавилась от зноя. Я думал, так душно только в поезде, но, покинув вагон, облегчения почти не испытал. Несмотря на довольно ранний час, дышать уже становилось тяжело, и я пожалел, что не могу поменять костюм и галстук на шорты и футболку.

На выходящих из вокзала людей с чемоданами и рюкзаками тут же набрасывались стаи голодных таксистов.

— У тебя мотор какой марки? — ответил я вопросом на стандартный вопрос атаковавшего меня бомбилы.

— «Рено»! — немного растерявшись, сообщил тот. — А это для тебя прям так важно?

— «Мерины» у кого-нибудь есть? «Бэхи» накрайняк? — поправляя дорогие солнцезащитные очки средним пальцем с кольцом из карбида тантала, спросил я громко.

— Паэхалы!

Толстый кавказец в кепке, красной футболке со стершейся надписью «Адидас», в синих трениках и сланцах на босу ногу махнул мне рукой и, больше не поврачиваясь, пошел в сторону серого «Мерседеса» Е-класса с большим световым табло на крыше.

Технический директор, высокий тощий дядька с ежиком совершенно седых волос и выправкой старого гвардейца, встретил меня сухо, удивился, что приехал я, а не Владимир Андреевич, внимательно изучил мои бумаги, потом набрал номер моего шефа:

— Ваня! Привет! Не спишь? Да я шучу! Тут человек твой прибыл. Почему ты мне этого красавца не прислал, когда мы рекламу снимали тем летом? Ну тот календарь с новыми автомобилями! Я же тебе штук десять высылал! Склероз начинается? Ну слава богу! Выговор тебе! А Владимир не заболел? Ах, вот оно как! Ну, это ваши дела. То есть с этим молодым человеком я обсуждаю все тонкости, о которых мы с тобой договаривались? Бумаги ему тоже передаю? Хорошо. Давай до связи! Э-эй, погоди! Как там Даниловна? Ну хорошо! Привет ей передавай! Ладно, давай!

Положив огромную лопату мобильного телефона на стол, патрон еще несколько секунд смотрел на пейзаж, потом крутнул кресло и улыбнулся мне уже как родному:

— Ну-с-с, уважаемый Сергей... как вас по батюшке? Тогда давайте перейдем к делу! Обсудим некоторые нюансы нашей работы, которые, так сказать, необязательно знать нашим покупателям и даже вашим коллегам!

В кабинете стояла приятная прохлада: кондиционеры творили чудеса. Успокоившись после того, что сообщил ему Иван Николаевич, и поняв, что подозрения напрасны, патрон был любезен настолько, что сам включил чайник и предложил мне кофе и печенье, так как сообразил, что я только с поезда и поэтому не позавтракал.

«Тоже, поди, майор! Везет же некоторым!» — подумал я, улыбаясь до сухости десен и регулярно кивая этой акуле межрегионального масштаба.

Первого сентября, в четверг утром, я появился на работе. Все, что было запланировано, я выполнил, о чем сразу же доложил шефу. Тонкостей в нашей работе оказалось на порядок больше, чем я подозревал, и теперь я смотрел на наши авто, сверкающие в выставочном зале новым лаком и хромом, несколько иными глазами.

Шеф полистал привезенные мной бумаги, задал несколько вопросов, внимательно выслушал ответы и сообщил, что на все выходные мы вчетвером свободны.

Он никогда не хвалил и не ругал сотрудников. Он или поощрял их материально, или увольнял. Я переговорил с Олегом, Мишей и Ваней про предстоящий пикник, и все вместе мы посочувствовали Вовану.

Тот, конечно, и виду не показал, что чем-то недоволен, пожелал нам удачно провести время и напомнил, что запах перегара в понедельник — это увольнение. Но по тому, как рьяно он зарылся в бумаги и каким голосом орал в телефон на механика, было понятно, что настроение у лысого поганое. А это не могло меня не радовать.

Вечером перед сном я выпил рюмочку хорошего коньяку, посмотрел новости про то, как по всей стране нарядные детишки с букетами пошли в школу учиться бог знает чему и непонятно зачем, и лег спать в прекрасном расположении духа.

На другой день, второго сентября, в пятницу, случилось еще одно событие, которое я с удовольствием записал себе в актив: я практически в одну дыню продал два «Эксплорера»! Такого в нашей фирме не было никогда, чтобы за два часа один менеджер подошел к потенциальному покупателю, втюхал ему дорогуший «Форд» под бешеный кредит, а потом такой же еще и его жене! Клиент, полноватый мужчина в самом расцвете сил и по совместительству владелец сети городских пивоварен, сомневался — какой автомобиль ему подходит больше для поездок на работу: «Крузер», «Патруль» или вот этот монстр, нагло вылупивший свои огромные фары прямо ему в кошелек. Ответ я знал: десятилетняя «Тойота Витц». Но вслух его, естественно, не озвучил.

В конце работы я позвонил знакомому перекупу Айвазу, что толкал тачки на Гайдашовке. Тот, почуяв клиента, аж взвился и затараторил про то, что с нового года все цены на тачки взлетают до небес, так что та белая «Селика», что я смотрел месяц назад, просто подарок судьбы, и он готов ее придержать, хотя его в данный момент за грудки схватил один жлоб и готов взять это точило хоть за девять сотен.

Один автодилер присел на уши другому! Я улыбнулся его словам про соотношение «цена — качество», про надежность данной марки и дешевизну в обслуживании и поздравил с наплывом покупателей. Только что я сам говорил пивовару то же самое. Мне хотелось сбить цену на «Селику» хотя бы на полтос, но в итоге сошлись на шестистах семидесяти пяти. После работы я сел в такси — и еще через три часа мы уже жали друг другу руки. У меня на карте осталось — страшно подумать — четыре тысячи! Зато домой я приехал на такой машине, о которой мечтал. Ну, руль правый и сиденья не в целлофане. Зато все остальное сверкает и блестит так, как новое не блестело. Я поставил свое приобретение на стоянку около дома и решил приехать в понедельник на работу уже на ней. Небрежно хлопнуть дверкой, нажать на кнопку, машинка пискнет и мигнет, и Вован, который ездит на двенадцатилетнем «Корандо», — вот оно, счастье! — облезет еще больше и неровно обрстет.

Третьего сентября, в субботу, мы вчетвером с утра затарили Мишин джипарик продуктами и выпивкой и поехали в Овинный. Пока нашли адрес нашего коттеджа, пока осмотрелись, позвонила Настя и сообщила, что они уже вышли из электрички и ждут нас на перроне. Миша съездил за стадом и привез пять нарядных травоядных, благоухающих на все лады и на редкость хорошеньких.

Настя свое слово сдержала. Девочки были относительно милы, местами стройны, распущены ровно настолько, что не стеснялись шнуровать кроссовки не сгибая коленок, смеялись над всем, что говорили мальчишки, семечки не лузгали и старались не материться. Светские львицы из Новоебуново!

Наше межвидовое общение началось смехом, щебетанием и едва ли не обнюхиванием. Но прайд очень расстроился, когда узнал, что мальчиков четверо. При этом на их узких лобиках прорезались морщинки, означающие, что до них дошла ситуация: одна из них — лишняя. Настя вела себя так, словно я был отцом ее троих детей и потому она имеет на меня полное право.

А вот я, увидев новое мясо в лице рыженькой Юли, глубоко вздохнул и почувствовал, как екнуло в селезенке. Пока я был трезвый — я как-то мирился с ролью верного мужа, но, когда через пару часов активного отдыха в ход пошел третий бокал, а на мангале подрумянился первый шашлык, я начал заводиться. В душе я уже застолбил эту рыжую овцу! А овца разглядела меня. Я заметил, что мою персону оценили все дамы, но, предупрежденные, что я — Настин, переключились на Ваню с Мишей. Потому как Олег сразу взялся колоть дрова для мангала и камина, таскать стулья, резать мясо — то есть делать все то, что в золушкином припадке делает тот, кому колоть дрова приятнее, чем тереть бабу. Я знал, что Олег — маменькин сынок и не женат, но не знал, что настолько! Или он специально ведет себя как какой-то деревенский мужик, чтоб у меня рыжую отбить? Вот смех!

— Меня зовут Юля! — Первой заговорила со мной рыжая, стоя босиком рядом со мной около мангала в белой майке и джинсовых шортиках и оказавшись ростом мне по плечо. — Мне Настя про вас столько всего рассказывала! Вы торгуете дорогими машинами? Наверно, и у вас такая же?

— Обещаю прокатить при первой же возможности! — Не стал вдаваться я в детали, справедливо полагая, что коротко стриженная и по-дачному загорелая шатенка скорее отличит ДТ-75 от «Кировца», чем мою новую «Тойоту» от «Ягуара». — А ты где работаешь?

— У меня профессия не такая романтичная: я работаю в школьной библиотеке. Закончила культпросветучилище в Минусинске, а теперь вот снова живу с родителями, — словно извиняясь, закончила она и взяла со стола хлеб и помидор, чтобы закусить.

«Беспросветное училище» — хотел пошутить я, но меня отвлекла Настя, позвав в дом за какой-то ерундой и вдруг взявшись страстно меня целовать, едва ли переступил порог. Потом затащила на второй этаж, открыла дверь ближайшей комнаты и повалила меня на койку. Сопrotивляться смысла не имело: моя дама уже разделась до купальника, сочетая приятное с еще более приятным, а когда тебя валит на спину женщина с третьим размером груди в полосатом красно-синем купальнике — о сопротивлении со стороны мужчины речь вообще идти не должна. Так что у мангала мы появились лишь минут через двадцать.

Процесс знакомства проходил на улице. Темы разговоров, начавшись с Таиланда или цены на коттеджи в этом пригороде, как-то сами собой перешли на интим. Парни были в ударе, девки дико хохотали, даже Олег, подначиваемый Тоней, выпил пару хороших бокалов вина и был циничен не по годам. Девушки, расслабившись, все как одна закурили какие-то модные тонкие сигареты и очень удивились, узнав, что ни один из парней не курит. Погода стояла чудесная, поэтому стол изначально был накрыт на площадке перед коттеджем.

Наш домик оказался просто прелесть! С ним в комплекте шел зеленый забор, огораживающий еще соток пять клумб, дорожек, посыпанных щебнем и даже гараж на две машины. Место для отдыха — самое то. Я тут же захотел себе такой же домик на природе, озвучил это предложение и был поддержан своими коллегами. Тоня невзначай обронила, что у нее в деревне домик не хуже, а огород не пять соток, а двадцать, и Олег как-то резко перестал делать вид, что она ему безразлична.

Сразу за забором начиналась пологая горка метров пятьдесят высоты, редко поросшая сосной. Для полноты картины тут не хватало только речушки, и я сказал,

что в своем будущем садике обязательно сделаю пруд и пущу туда рыбу. На что Тоня заметила, что ее домик стоит на берегу Березовки, и по весне к ней в огород приплывает по пять мешков пластиковых бутылок и другого мусора. Олег сообщил, что знает — куда сдавать пластик и предложил отвести русло Березовки в сторону от Тониного огорода. Тоня была в полном восторге!

К вечеру коллектив как-то сам собой распался на пары. К Олегу накрепко приклеилась крашенная брюнетка Тоня, к Мише — крашенная блондинка Света, к Ване — тоже блондинка Лена.

Девочки были хороши, если смотреть метров с двадцати. При ближайшем рассмотрении деревня из них перла со всех дыр. Я смотрел на этих хордовых, и моя и без того буйная фантазия, сдобренная стаканом красного вина, видела их на дискотеке в клубе с бутылкой пива и в галошах в компании типажа Гарика Сукачева в «Старых песнях о главном». Я заметил, как Тоня отхлебнула «Изабеллы» и сморщилась: явно привыкла к чему-то покрепче. Лена пару раз вытерла руки о нарядную юбку. Света регулярно падала с не самых высоких каблуков, а беспросветная Юля поглядывала на всех мужчин как на небожителей, и по ее хорошенькому личику было заметно, что она в растерянности от такой шумной компании.

Моя с Юлей перестрелка взглядами не укрылась от глаз Насти. Та суетилась на правах хозяйки, носила посуду, в шутку распределяла номера в доме — какая пара в каком номере проведет медовый месяц — и громко заявляла, что вот этот номер — для нее и «ее Сержа». Это резануло мне ухо: я не собирался вставать в чье-то стойло и становиться чьим-то хоть на одну ночь. Я управляю жизнью! Я тут играю главную роль! Так и хотелось спросить свою подругу: ты откуда этот коттедж знаешь как свои пять пальцев? В каком углу тебя тут еще не драли?

Девушки возбужденно смеялись над каждым тупым анекдотом, и я вскоре наказал Олегу разбавлять этим королевам вино водкой, чтоб и им привычнее, и к ночи все были в состоянии нестования. Олег удивился, так что пришлось идти с ним в дом и показывать — как готовить вино для женщин в тех случаях, когда жизнь заставляет торопить коней.

— Они же все в школе физику изучали недавно! — с серьезным видом напутствовал я юного друга, выливая литр красного вина из тетрапака в графин и добавляя туда грамм сто водки. — Поэтому пить им надо до потери сопротивления!

— Как-то это... ну не подло, а... ну, может, хоть предупредим? — глядя на мои священнодействия, промямлил тот.

— Объясняю ситуацию один раз, а ты читай по губам: бабы приехали к мужикам! Они пьют и курят! Это женский международный сигнал типа SOS! Все мужики это знают! Кроме тебя. Но сразу дать они не могут, потому что изображают приличных. Для этих приличных, я думаю, обычное дело давать за полсотни баксов в час. А вот так, даром, они не приучены и потому малость зависли. Поэтому мы облегчаем им задачу: поим их в хлам и — женщина уже не шлюха, а просто расслабилась на выходных! Усек? И давай, пожалуйста, без этих своих вечных сомнений! Вован бы им вообще сразу димедрола набодяжил! Что ты там заливал ей про мелиорацию? Продолжай в том же духе! Не видишь, что она с тебя тащится? Сегодня у вас все закончится свадьбой, а про завтра мы подумаем завтра!

Жарилось мясо, играла музыка, резалась зелень, сыпались шутки, и вино текло такой широкой рекой, что, когда в семь вечера решено было перейти в дом ввиду похолодания забортного воздуха, Юля встала со стула и тут же демонстративно упала мне в руки:

— Сергей, я, кажется, пьяная!

Я подхватил ее на руки и понес в дом.

— Можно меня сразу на какую-нибудь кровать! — пролепетала та, обхватив меня за шею руками.

— Чет я не поняла!

С пунцовыми от злости и вина с водкой щеками поднялась из шезлонга Настя и, слегка пошатываясь, двинулась за нами.

— Подруга! Я чет ниче не поняла!

— Ты видишь — не может человек идти!

Я прижал расслабленное тельце крепче и понял, что если не поимею его сегодня, то жизнь будет прожита напрасно.

— Скажи лучше — где наша койка?

Я вошел в дом и положил Юлю на предварительный диван в прихожей. Ее и без того не самые длинные шорты задрались, и я, не в силах удержаться, сел с ней рядом и положил руку на бедро.

— Чет я не поняла, подруга! Серж! Я не за этим скотством сюда ехала!

До Насти не доходило, что в полете оказалась именно она. Я смотрел на Настю и не мог понять: как я мог жить с этим чучелом почти три месяца и ни разу не облеветаться? Пьяная деревенская хамка с огромными сиськами и красной мордой. То ли дело Юля! Худенькое, можно сказать — хрупкое, существо с огромными глазщами и стрижкой под мальчика. Судя по поведению — не то что пить не умеет, а вообще нецелованная. Может, я себе много про нее нафантазировал, но пульс подскочил до сотни. Не будучи уверен в том, что последует через пять минут, но твердо зная, что раз баба дает — надо брать, я встал с дивана и подошел к Насте:

— Ты че орешь как потерпевшая? Закрой вафельницу! Для нее где комната?

Если бы Настя повела себя как-то иначе — может, все пошло бы не так. Но она повела себя так, как повела: молча пнула меня в пах и рванулась к дивану, на котором хлопала мутными глазками соперница. Я перехватил ее за плечо, крутнул и врезал по щеке ладонью что было сил. Лицо у той из красного сделалось за секунду багровым. Она попыталась было сохранить выдержку и продолжить поединок, но вдруг схватилась за скулу, присела на корточки и заверещала так, что у меня уши заложило. Вбежали Олег с Мишей, потом кто-то из девушек. Юля сидела на диване, забывшись в угол и подобрав колени, и я мимолетом снова подумал: теперь я ее точно тут ототру!

— Зачем же женщин-то бить? — стоя около потерпевшей, сурово выговорил мне Олег.

— Ты знаешь — куда она мне ногой въехала? Проб...дь! Миша! В машину ее и до перрона доведи! Пусть валит отсюда нахер, шалашовка!

— Я выпил! Какой теперь руль! — неуверенно сказал Миша. — Может, Ваня съездит?

— Ну Ваня пусть съездит! Где Ваня? А он типа трезвый?

— Он с Леной наверху. Наверно, скоро будет.

— Уже? — Я даже заплодировал. — Молодцы! Даром времени не теряют! Короче: садись за руль и увези отсюда эту тварь! Это приказ! Тут деревня, машин нет, ментов нет, до станции две версты. Или пусть пешком валит! Вон, глянь сюда! — это я уже обращался к Тоне, которая успокаивала Настю. — Смотри, куда ногой мне заехала! Сука!

— Сергей, я... — пытался что-то возражать Миша.

— Хочешь, чтобы я ее увез? Я увезу! Давай ключи! — Я сделал многозначительную паузу, чтобы этот червяк своим спинным мозгом, раз в башке пусто, понял — что будет с ним, если увезу ее я.

Настю поливали водой, осматривали щеку, пудрили, мазали, успокаивали, поили вином, пока Миша искал ключи и заводил свой джип. Настя материлась,

всхлипывала, пыталась прорваться ко мне, кидалась «кобелями» и «недоносками», но я послал подружку подальше, ее оттерли и засунули на заднее сиденье старенькой «Грандвитарь». Я было подумал, что кто-то из дам тоже захочет уехать, но, по большому счету, мне было на это плевать, лишь бы Юлька осталась.

Но, видимо, женская солидарность — это понятие очень редкое, если вовсе не сказочное. Пока был шум-гам, я ловил на себе полные ненависти взгляды, но прошло пять минут, и, сообразив, что слабое звено — не они, все как-то перетекло из состояния переполоха в нечто деловое и будничное. «Видать, на дискотеке в клубе и не так по харе прилетает!» — подумалось мне. Руки почти перестали дрожать, и я хотел было отнести Юлю в один из номеров на втором этаже.

— Не надо, пожалуйста! Я тут маленько посижу. Тонь, завари мне кофе! Насть, ну ты чего в самом деле? Мне, правда, нехорошо! — бормотала она, еле ворочая языком.

Миша увез потерпевшую, через полчаса вернулся и сообщил, что дождался вместе с ней электричку и посадил Настю в поезд. Она просила передать мне что-то на словах, но он запомнил пару редких прилагательных.

Можно было продолжать праздник. Мы выпили, поджарили, закусили, и я перевел тему на новые английские и немецкие автомобили. Женщины сделали вид, что заинтересовались, а раз пьяная женщина сделала вид, что ее что-то заинтересовало — можно не сомневаться, что через пять минут она будет уверена в том, что это интересовало ее как минимум три последних года.

Призрак Насти несколько раз пронесся над мангалом и растворился в холодеющем осеннем воздухе. Еще через полчаса спустились со второго этажа Ваня с Леной и как-то отстраненно поинтересовались — что за шум они только что слышали?

— Только что? — искренне удивился святой Олег, и мы покатались от смеха.

Выжатый Ваня, видимо, так и не понял причину нашего хохота, а Лена лишь ответила:

— Да! Вот такие мы! — Одним взмахом опрокинула стопку водки и вгрызлась в еще горячий шашлык. — Гулять так гулять!

Отсутствия подруги она, похоже, даже не заметила.

Через час мы разожгли камин в доме, дамы переоделись из купальников в юбки, блузки и платья, в брюки, ни одна свою молодую красоту не спрятала! — и устроили конкурс караоке. Юля, попив кофе, выглядела уставшей, у нее время от времени закрывались глаза, и я втихомолку выговорил Олегу за то, что мы переборщили с водкой. Тот пожал плечами, но спорить не стал. Почуввав свободу, я не отходил от Юли ни на шаг. Наше общество стало наконец логичным и гармоничным, без внутренних противоречий и подводных камней, а не какой-то оргией. И всего-то делов — дать одной дуре по морде!

Мы дуэтом спели пару песен, потом под пару медяков станцевали, что-то вроде прелюдии к совокуплению, и пошли играть в бильярд. Пока одна пара гоняла шары по зеленому сукну, две другие усиленно тискались в широких креслах под релаксирующие песни в исполнении Патрисии Каас и подвывание саксофона.

Через час, когда на улице уже всюю светила полная луна, я с радостью обнаружил, что в бильярдной остались только я и она. Остальные уже разбрелись по каютам и от прелюдии перешли к делу. Из-за неприкрытой в спешке двери было слышно, как Тоня шумно насилует Олега. Остальные вели себя тише, но, в принципе, вся ситуация, сам воздух в доме прониклись именно тем неприкрытым развратом, который я так любил на подобных вечеринках.

Юля глянула на меня, отвела взгляд и слегка покраснела. Я вспомнил слова Насти про широкий бильярд, подошел к Юле сзади в тот момент, когда она нагнулась, неумело примериваясь ударить свояка в среднюю лузу, и запустил руку

ей под юбку. Во мне все кипело и бурлило. Эта красotka весь вечер крутит жопой перед моим носом, а я все еще сомневаюсь — хорошо ли это будет выглядеть, после того как я отправил Настю в нокдаун.

— Я не хочу тут! — не оборачиваясь, тихо сказала она.

— Идем в комнату!

Язык у меня приклеился к нёбу, и мне резко захотелось пить.

Пока она собиралась с мыслями и боролась с непонятными мне чувствами — я хапнул стакан ледяного «Хан-Куля» из холодильника.

— Я вообще тут нигде не хочу! Идем на улицу! На горку, что ли, поднимемся! При луне! Возьми вино! И одеяло тоже возьми, пожалуйста!

Я только молча кивнул одуревшей головой. От возбуждения я не мог даже говорить и сам себе напоминал быка, увидевшего мулету. Мне уже было все равно — кто и что про меня подумает. Даже если бы я знал, что за мулетой спрятался матадор со шпагой, меня бы это уже не остановило ни на секунду. Ее двадцатитрехлетняя жопа была у меня в руках во всех смыслах этого слова, и остановить сейчас меня могла только смерть.

Она набросила на плечи платок и вышла в темноту двора. Я взял из номера на втором этаже одеяло, початую бутылку «Муската» и два бокала на длинных ножках. Она медленно шла к калитке по дорожке, отсыпанной мелким гравием. Я догнал ее, когда она открывала калитку. Лаяли деревенские дворняги, пахло коровами и ночной прохладой. Она передернула плечами, и я, развернув одеяло, накрыл одной половиной ее, а в другую завернулся сам: становилось прохладно. Она прижалась ко мне плотнее, я крепко обхватил ее за талию, и мы пошли вверх по тропинке на гору. На самой вершинке было чье-то старое кострище, валялись бутылки из-под водки и драные целлофановые пакеты. На двух парах кирпичей стояла незатейливая доска, подразумевавшая скамеечку. Я расстелил одеяло под сосной, налил вино в фужеры и даже сказал какой-то невнятный тост. Я уже весь был в ней, а она, словно не понимая, зачем мы тут, и издеваясь, завела какую-то бодягу про Луну, Ромео и семейное счастье, которое вот так и должно начинаться у русского народа. Обожаю пьяных женщин! Хорошо, хоть не попросила за закуской сбегать! Я изображал слушателя ровно пять минут, потом повалил ее на спину, присосался к ее губам и в нетерпении стащил какие-то смехотворные ажурные трусики: готовилась, зараза, к случке, но без гнилых базаров про луну никак не может ноги раздвинуть! Видали мы таких! В последнюю секунду она вдруг спохватилась:

— Ты предохраняешься? А где? Ну, эти... резинки?

— Да ладно, не переживай! Нету с собой! Ты же не сказала, а я и думать забыл обо всем! Ты такая красивая! Ты просто супер!

Она попыталась выкрутиться, но под моим весом ойкнула и наконец затихла. Ее жопа снова была в моих руках. И мне даже в какой-то момент показалось, что я ее люблю. Что вот оно, счастье, и никого другого мне уже не надо. Ну и мысли мне в голову приходят, когда пьяный!

Больше она мне в этот вечер не дала. Мы молча полежали на одеяле еще минут десять. Наш жар быстро проходил, ночная сентябрьская прохлада обещала скорые заморозки под утро. Я попытался рассмотреть ее лицо при свете звезд. Лицо как лицо. Глаза закрыты, руки, ненужные в данный момент, безвольно брошены вдоль тела. Я положил ей руку на грудь и решил, что неплохо бы продолжить романтический вечер в том же духе. По пять тысяч зря, что ли, выкинули!

— Сергей! — остановила она мою руку своими холодными пальцами. — Ты знаешь: извини, но я ничего не почувствовала. Вернее, все это как-то не так. Хватит! Идем, а то холодно! Я хочу домой!

Я сидел перед этой соплячкой и не знал, что ответить. Такой оплеухи я не получал ни разу! Она, видите ли, не почувствовала! «Ну иди, с конем трахайся! Там, наверно, почувствуешь!» — первое, что подумал я, надевая штаны и сворачивая одеяло. Но вслух ничего не сказал. Было как-то лениво и вообще насрать, что там эта овца почувствовала.

Мы дошли до коттеджа. Она, как и днем, когда ей стало дурно от вина с водкой, села на большой коричневый диван в прихожей, натянула на себя одеяло и сказала, что переночует здесь. Я пожал плечами, взял с собой остатки «Муската» и пошел в свою комнату. Выпил еще фужер, подержал над ним осовевшую бутылку, выжимая последние сорок капель, и уже сквозь сон услышал, как за стеной скрипит кровать. Пятнадцать тысяч выкинули только за дом! Плюс бухло и мясо! За что спрашивается? Два шашлыка съесть да палку кинуть? Правильно я Насте по соплям дал! За дело! С тем мне и уснулось.

Четвертого сентября мы окончательно встали и начали полноценно функционировать только к одиннадцати. Кто-то еще поскрипел на прощанье кроватью, но мне даже лень было поинтересоваться, кто оказался у меня в соседях и так активно не давал мне спать. Обменивались телефонами, собирали вещи, пили кофе. Женщины предложили опохмелиться, но мы рассказали им о диких нравах нашего начальника и его животной ненависти ко всему, что пахнет алкоголем. Подруги все-таки выпили по стремленной и откровенно висели на моих товарищах, прозрачно намекая на продолжение отношений. Ну, конечно! Мы только и мечтали о том, как бы разделить старость с доярками! Сказали бы спасибо, что с нами не оказалось Вована и потому вам в вино не накрошили димедрол! Вы бы очнулись только к вечеру, а Вован бы потом с гордостью рассказывал, как окулял целый курятник.

Да и наша цель — не коммунизм и даже не свадьба. Наша цель — личное финансовое благополучие и успех во всем путем продажи английских автомобилей. И те дамы, что смотрели в детстве «Семнадцать мгновений весны», получают в вино водку. А те, что «Девчата» и «Летяг журавли», то есть с лишней совестью в штанах, — димедрол. И если кому-то не нравятся наши подходы к действительности — это ваша проблема, а не моя.

Мы берем жизнь за рога и выжимаем ее до капельки. Нас так учили, на том стоит и стоять будет современный российский бизнесмен. Количество баб поднимает наш статус так же, как и количество денег на карте. Тот, кто с этим не согласен, — лох по жизни! И оправдывает то, что он лох какими-то христианскими моральными нормами, которые написаны такими же лохами!

Конечно, Вован иногда перебарщивает, и нас от его выходов часто воротит. Но с кем такого не бывает! У него денег больше, чем у нас. Поэтому до споров с ним нам надо подкопить деньжат и устояться в этой волчьей жизни. Сегодня у нас в стране всегда прав тот, кто богаче, и исключений из этого правила я не видел ни разу.

Юля вела себя так, словно между нами ровным счетом ничего не было. То ли по жизни она слегка притормаживает, то ли с бухлом не в ладах? И вообще, при свете дня она выглядела вовсе не так романтично, чем накануне вечером. И глазки чуть поплыли, и титьки втрое меньше Настиных. Я попросил ее продиктовать свой номер телефона. Смотрел на ее нелепый ежик волос, на потухший взгляд, уже понимая, что прошу чисто на тот случай, если вдруг Настя — а это вряд ли! — всерьез разобиделась. У меня таких Юль в смартфоне было уже с полсотни, — баб, с которыми я уже спал, и кандидаток в таковые. Одной больше, одной меньше... Юля как-то мутно поглядела на меня, скривила губы, но потом продиктовала свой номер.

Эта сука еще и губы на меня кривит! Ладно, завтра я этот номер все равно сотру. Вот так мне заявить, что она ничего не почувствовала! В кого навозом кинуть! В меня! Этого я ей ни в жизнь не забуду и не прощу! Это вместо того, чтобы спасибо сказать за то, что пожрала да потерлась тут на халяву! Все они одинаковые! И сережки явно материны, какие-то старинные. С александритом, однако. Смех, а не сережки! И что я на нее вчера так запал? Ладно бы сиськи были как сиськи! В любом случае надо позвонить Насте через пару дней. Авось остынет да проморгается. А нет — так новую найду!

Мы попрощались. Миша отвез бляющее стадо к электричке и вернулся за нами. Мы собрали вещи, позвонили хозяину коттеджа и подождали, пока тот придет с другого конца улицы за ключами. Хозяин начал считать разбитые фужеры и порванные простыни, мы, чтобы не осложнять отношение с любителем «Сектора газа», скинулись ему еще по штуке, и Миша развез нас по домам. Настроение у всех моих коллег было отменное. Немного давил сушняк, а Олег жаловался на боль в паху: Тоня оказалась та еще тигрица. Уже в машине я выяснил, что моими соседями через стенку как раз и были Олег с Тоней.

— Ну, что? Понравилась телуха? — Ваня отечески потрепал Олега по шее, хотя сам был на таком мероприятии всего в третий раз.

— Да, хорошая женщина! — млея Олег от пережитого и содеянного. — Приглашала в гости в Зыковку. Она там с родителями живет в частном доме, а рядом еще двухкомнатная квартира в пятиэтажке!

— Да ты не жениться ли надумал?

— Ну, пока об этом речь не идет... — мямлил Олег, улыбаясь улыбкой идиота.

У меня же настроение было неважное. Побаливала голова и низ живота: Настя все-таки зацепила, видать, каблуком, хотя вчера я этого даже не заметил.

— Зато я там двоих поймел за день! — скорее, чтобы поднять настроение самому себе, чем похвастать перед мужиками, сказал я. — Правда, потом одной по морде дал.

Народ почему-то не стал мне рукоплескать, а Ваня, включив дурачка, выкрикнул как бы смеясь:

— Так надо уж было и второй дать!

Я криво улыбнулся, отвечать не стал, но на будущее заметку про Ваню себе сделал. Дерзит не по годам! Решил, что раз мы вместе вчера вино пили, то завтра он будет мне по плечу хлопать! При случае ткну его носом в лужу, щенка!

Миша высадил меня у подъезда, и я на прощание пожелал завтра всем быть в строю. Вспомнили про Вована и сошлись во мнении, что было весело и без него. Но сказано это было осторожно, с оговорками и не категорично. Так, упомянули — и все.

Поднявшись на пятнадцатый этаж в огромном зеркальном изнутри лифте, я раскидал вещи по шкафам, вскипятил чайник, выпил крепкий кофе и пошел мыться. В коттедже была душевая кабинка, но мыться в ней я побрезговал, да и было немного не до того. Намылился, провел вехоткой по бедру и ойкнул от боли. Сильно, видать, каблуком попало! Ну, я в случае чего в долгу не остался. Представляю, с какой мордой эта припадочная сегодня проснулась! И ведь не водилось за ней такого! А тут — ни с того, ни с сего — пинаться! Закусывать надо было! Тварь! Нет чтоб предложить втроем поразвлечься! Как немцы в тех фильмах, которые мы с ней частенько смотрели на моем огромном экране!

Я смыл пену и осмотрел больное место. Изгиба на бедре, ровно в том месте, где у меня заканчивались плавки, на границе ноги и туловища из кожи торчал клещ. Я никогда до этого в своей жизни не видел живого клеща, а только мельком по телевизору в каких-то новостях про то, как в марте эти твари начинают кусать

народ на Дальнем Востоке и заканчивают в Подмоскowie в октябре. Вид этой твари был так омерзителен, что я выронил душ и замазал руками, пытаюсь сбить его с себя. Я тот словно прирос ко мне и продолжал торчать, пошевеливая в воздухе своими лапками. Я взвизгнул и выскочил из ванной. С меня лилась вода, падали клочки пены от дорогого шампуня — я ничего этого не видел. Я видел только, как в меня постепенно погружается какое-то чудовище! Это был такой шок, от которого хотелось орать или ущипнуть себя, чтобы убедиться: это сон! Со мной такого быть не может!

За одну секунду вспомнился знакомый одного малознакомого знакомого, который умер после укуса такой твари. Я глянул на свое перекошенное отражение в зеркале. Восемь точечных лампочек вкруговую освещали белое как у мертвеца лицо. Мой взгляд остановился на маленьком маникюрном наборе, который лежал на тумбочке. Трясущимися руками я открыл футляр, достал пинцет, зажал им клещи как можно сильнее, с надрывным криком вырвал его из тела, бросил в ванну вместе с пинцетом и открыл кипяток.

— Сдохни! Вот тебе! Вот тебе! Гад! Падла! Сдохни!

Крохотная точка сделала два оборота вокруг черной дыры слива и исчезла, а я все лил и лил кипяток вслед этому кошмару, плохо соображая, пока душевая лейка в моих руках не накалилась от кипятка. Я выключил воду, и тут до меня дошло: а если он был не один?

Я запрыгнул в ванну, смыл с себя пену и начал осматривать себя с головы до пят. Принес второе зеркало, внимательно осмотрел спину. Никого не найдя, налил полную ладонь французского одеколона и приложил к ранке. Защищало. Одеколон потек по ноге, нагревая кожу, и мне на секунду показалось, что это из раны хлещет кровь. Я смотрел на ранку и думал — что же с ней еще можно сделать? Достал из холодильника зеленку и ватной палочкой замазал до черноты большой участок кожи с ранкой. Где же я его поймал? Не в коттедже ведь! Когда ночью ходил на гору с Юлей! Больше негде! Гребаная овца! Гребаный коттедж! Я его хозяина засужу! А Юле тоже харю расшибу. Надо было сразу там и расшибить! Что за день-то такой! Так, спокойно! Спокойно!

Я открыл холодильник, налил себе стопку «Хеннесси», выпил, налил вторую и следом — третью. Закусил куском горького шоколада. Проблема с завтрашним запахом изо рта вдруг стала совершенно неактуальна. Сел на диван и постарался собраться с мыслями.

Что же теперь делать? Идти в больницу? Последний раз я посещал поликлинику классе в третьем, после того как переболел ветрянкой. В больнице вообще не лежал ни разу, и при одной мысли о ней мне делалось дурно: палата на десять человек, одетых в какую-то преисподнюю одежду, храпят, гадят под себя, стонут. Которые в конце концов умирают там! А ты лежи и смотри на все это и жди своей очереди!

Нет, без паники! Я еще не умираю и даже не болею. У кого же из знакомых товарищ ласты склеил после укуса? У Максима! Он работал у нас механиком и с полгода как уволился. Интересно: сохранился у меня его телефон? Общались мы с ним не очень хорошо, так что даже не уверен — возьмет ли он трубку.

Я достал свою красавицу «Икспирию» и начал листать адресную книгу. Люся, Настя, Катя массаж, Маша стоматолог, соска мебельный салон, Ира ветеринар... какой салон? Какая Ира? Зачем мне по жизни ветеринар?

Телефон мелко трясся в руке, и мне пришлось положить его на стол. Иван Николаевич, Вован, Олег, Амир джакузи, Арзо кафель, Макс подвеска. Ага, есть!

— Макс, привет! Это Сергей из... ага, узнал? Слушай, тут такая тема: помнишь, ты рассказывал, как один твой знакомый после укуса клеща... ну... того?

Я старался говорить ровно, хотя самого бил озноб. Может, я уже заболел? Это сон. Это просто плохой сон!

— Да, моей родной тетки муж года... года... да лет шесть уже как помер. Съездил за черемшой в мае и поймал эту тварь. А что?

— Да вот, ездили вчера в лес с друзьями. Меня там она тяпнула. Что делать в таких случаях — не подскажешь?

— Лучше всего — бери эту залупу и иди в травмпункт. На анализ его сдашь, и там определяют — заразный он был или нет.

Дьявол! Я машинально посмотрел в сторону ванны и упавшим голосом проговорил:

— А я его смыл! Водой!

— Ну тогда залупа! Да ты особо не переживай! Сейчас уже сентябрь, а они опасные только в мае и начале июня. Дядю Кешу в самом начале мая, помню, укусил, так того через три дня скрючило, и ничего сделать не смогли. Полежал неделю в «Двадцатке» — и на Бадалык свезли. Диагноз запомнился: вихревой отек мозга.

— Ясно. Ты меня обнадежил! — криво усмехнулся я и отключил телефон.

На всякий случай перелистал всю адресную книгу и нашел еще какую-то Вику, забитую в мой телефон как медичка. Я, хоть режь — не мог вспомнить, что это за Вика такая и в какой области медицины подвизается. Если она с сайта знакомств, то мы с ней вживую могли и не встречаться! На всякий случай набрал номер. Там долго не брали трубку, потом тихий голос прошелестел откуда-то, как с другой планеты:

— Але!

— Это Вика? Это Сергей? Я хотел спросить...

На том конце положили трубку, в ухо застучали короткие гудки отбоя.

— Про залупу я хотел у тебя спросить, овца! — заорал я и через всю квартиру швырнул телефон в подушку, лежащую в изголовье дивана.

Я сидел голый за кухонным столом и чувствовал, как по телу расходится смертельная болезнь. Шея не хотела поворачиваться, и чтобы посмотреть на красивейший закат, мне пришлось развернуться всем телом к окну. Руки тряслись, ноги были как ватные. Я понял, что умираю и что спасти меня не может уже ничто. Я лег на диван, залез под одеяло, свернулся там калачиком и заплакал. Потом встал, допил остатки коньяка, снова забрался под одеяло и даже не понял, как уснул. Мне снились какие-то зеленые кони о шести ногах, которые неслись по снегу и волокли меня в холод и мрак.

Пятого сентября я проснулся в четыре утра. Мысли были настолько четкими, воспоминания про укус — настолько свежи, словно я и не проспал десять часов, а только про этого дурацкого клеща все эти часы и думал. Почему именно меня? Так глупо! На пустом месте! А виновата эта тварь! Поташила меня с голой жопой на гору клещей собирать! Хоть бы и ей воткнулись пятеро! И все заразные!

Я понял, что уснуть уже не смогу и залез в Интернет. Почитал там про болезни, которые вызывает клещ, и пришел в полный ужас. Кроме энцефалита, эти насекомые, оказывается, являлись разносчиками еще дюжины разных болячек, одна другой смертельнее. Я посмотрел картинки клещей разных видов, дошел до фото насосавшегося монстра с огромным белым телом и крохотной головкой — и мне стало дурно. Я прополоскал рот остатками вчерашнего кофе, рассосал таблетку валидола, чтобы не злить начальство плохими запахами, вышел из дома в шесть утра, поймал такси и поехал в ближайший травмпункт.

Первая моя мысль, после того как я перешагнул порог этого известного всему правобережью медицинского заведения, была: «В городе произошел теракт!»

Стонущие, плачущие, кое-как и абы чем перебинтованные люди сидели вдоль узкого коридора на деревянных откидных стульях, стояли у подоконника, что-то объясняли медсестрам про вывих лодыжки и сломанный палец. В воздухе стоял запах пота, крови, йода и боли.

— Третий час сию! Помереть уже проще! — простонала какая-то женщина средних лет с почерневшими губами, поддерживая правую руку левой.

— Помирают на улице! Все, кто сюда дополз, — останутся живы! Следующий! — раздалось из кабинета хирурга.

Я радикально выбивался из всей этой толпы с пробитыми головами, вывихнутыми ногами и колото-резаными ранами предплечий. На меня упало несколько недоуменных взглядов, но тут всем было ни до кого и ни до чего. Столько боли в одной куче я не видел никогда в жизни, и мне стало стыдно, что лезу сюда с каким-то клещом, который, может, и не заразный вовсе. Неужели тут всегда так?! Так должен выглядеть фронтальной госпиталь, а не городской пункт первой медицинской помощи!

Без особой надежды на ответ я обратился к высокому мужчине в белом халате, который вышел из кабинета с табличкой «Рентген» и проходил мимо меня по мрачному коридору, словно ангел среди страдающих грешников.

— Простите, а с клещом... Меня клещ укусил. Намедни! — вдруг вырвалось у меня странное слово.

Откуда оно взялось в моем лексиконе — я сам не понял. Наверно, это уже микробы так на мозг действуют!

Удивительно, но доктор остановился, нашел меня взглядом среди несчастных и удивленно спросил:

— Куда укусил, простите?

— В бедро. Вчера. Я его выкинул. Ну, клеща выкинул.

Слова путались, не хотели выстраиваться в правильные словосочетания и предложения и слетать с языка. У меня получалось собрать их только максимум по двое, и дальше логическая связь между звуками терялась в начинающих воспаляться закоулках мозга. Вся эта обстановка кладбищенской прихожей действовала на меня ужасающе.

Я никогда не задумывался, что миллионный Красноярск производит столько случайно пострадавших людей в каждую единицу времени! И ведь по их лицам сразу понятно: они не выживут! Все они обречены, но в последней надежде приползли сюда, чтобы сейчас вот тут, у меня на глазах, начать агонизировать и синеть! То ли дело на моей работе! Как хорошо, что я не медик! Или, наоборот, — плохо? Ходил бы тут сейчас как у себя дома...

— Страховка есть? По страховому полису мы можем поставить вам укол гамма-глобулина. Если полиса нет, то это стоит, кажется, что-то около девяти тысяч. Пройдите вон в тот кабинет, там вам точнее подскажут!

— Девять тысяч за укол?! — вырвалось у меня.

Я хотел рассказать доктору, что я только что купил машину и денег совсем не осталось. И девять тысяч за укол — это же грабеж! А если их нет и осталось только на аспирин? Что делать? Сдохнуть? Но врач уже шел по коридору такой неторопливой походкой, словно пенсионер отправился в ларек за газетой. И ему пофиг все эти люди! И я ему пофиг! Люди — ладно, но меня-то еще можно спасти! Они обязаны меня спасти! Я молод и красив, у меня еще вся жизнь впереди. И вдруг ласты слепить из-за какой-то ерунды! Да вы тут с ума, что ли, все походили?

Я робко постучал в указанный мне кабинет с табличкой «7». Потом, не дождавшись ответа, приоткрыл дверь. Прямо напротив двери сидела толстая тетка свирепого вида в очках и белом халате и писала какие-то бумаги. На меня она

глянула мельком и продолжила заниматься своим делом. Перед ней на столе горела лампа, лежала гора каких-то бумаг, в темноте кабинета стояла кушетка, ширма и пара табуреток.

— Я про клеща... Укусил клещ...

— Страховка есть? — не отрываясь от рутинной писанины, хорошо поставленным голосом ротного запевалы спросила та.

— Нет. Как-то не думал...

— Прививка?

— Тоже... Нету...

— Когда произошло присасывание? Клеща принесли?

Ручка размашисто скользила по бумаге, оставляя за собой какую-то волнообразную линию, не имеющую с буквами даже отдаленного сходства.

— Вчера. Нет.

— Ампула гамма-глобулина стоит отечественная пять семьсот, импортная — восемь восемьсот. В ампуле четыре дозы, но срок хранения — двенадцать часов. Укушенных сейчас почти нет. Или собирайтесь четвером, или покупайте целую ампулу! Я вам куда его потом спишу?

В голосе прозвучала угроза, и я почувствовал, как у меня от ужаса подгибаются ноги.

Я глянул ей в глаза, но увидел только стекла очков. Мне предлагали за деньги не автомобиль и не колбасу. Мне предлагали пожить!

— Спасибо, я подумаю! — сказал я, закрывая за собой дверь.

Вышел из больнички, вздохнул полной грудью, обошел машину скорой помощи, из которой врач помогал выйти пацану в кожаной косухе и жутко избитым лицом, не торопясь дошел до проспекта, сел в полупустой автобус и поехал на работу. По дороге рассосал еще одну таблетку валидола. Не потому, что боялся Ивана Николаевича, а потому, что сердце как-то закололо. Пока ехал — мысль была одна: надо занять у кого-то пять тысяч и купить эту чертову ампулу! Шанс выжить еще есть. И дернул же меня бес потратить свои последние копейки на то, чтобы заработать такой гемор! Будь проклят весь Овинный, клещ, Юля, Настя и весь персонал травмпункта! Особенно в эту секунду я ненавидел врачей. Коновалы! Плати или подохни! И это — бесплатная медицина! Вместо того чтобы людей спасать — бабло поднимают, коммерсанты херовы!

Подойдя к офису, я остановился и начал вспоминать свои вчерашние мысли. Что-то я хотел сделать сразу, как зайду в офис. Но что? Я уже взялся было за ручку двери, как вдруг опустил ее и отошел на пару шагов назад. Машина! Ведь я купил машину и только сейчас вспомнил, что хотел приехать на своей новенькой «Селике» на работу и посмотреть, как облазит Вован! Что со мной? Что с памятью? Что с речью? Неужели микробы уже расплодились внутри меня и теперь проникают в подкорку?

Я машинально сунул руку в карман и вытащил брелок с логотипом «Тойоты». Нажал на кнопочку с цифрой «2». Подождал сам не знаю чего, нажал на «1» и побрел в офис.

Вован уже вовсю блестел перед шефом чешуей, бил хвостом и метал икру. Ночью пришла фура с новыми машинами из Новосиба, и этот лысый полугондон суетился так, словно от того, как он разгрузит и подготовит к продаже эти тачки, зависит его жизнь. Впрочем, конечно, зависит! Вован мельком глянул на меня, вдруг остановился и равнодушно спросил:

— Ты хорошо себя чувствуешь? На планерку так и явишься?

Я не успел сосредоточиться на смысле сказанного. Татьяна Даниловна вышла из кабинета шефа и привычно объявила:

— Мальчики и девочки! Заходим на планерочку!

Девочек на наших планерочках не бывало отродясь, не считая корреспонденток под Новый год, но секретарша почему-то регулярно звала их в кабинет наравне с мальчишками. Мы прошли в кабинет и расселись по своим местам: справа от шефа — Вован, слева — я, дальше шли второстепенные персонажи рангом помельче. Шеф внимательно глянул на меня, потом окинул взглядом остальных, снова глянул на меня и вдруг сказал:

— С каких пор у тебя, Сергей, понедельник стал тяжелым днем? Что за вид? Выглядишь как ебелдосам от замудонца!

Вован, сидевший напротив меня, хихикнул и покачал головой, глядя мне на шею, как бы соглашаясь с начальником и говоря мне: «А я этому козлу сразу сказал!» Остальные уткнулись носами в свои блокноты, боясь поднять головы. Я не очень понял претензии, но до подсознания уже доходило, что я стою на эшафоте. Я лихорадочно соображал: что же со мной не так, раз шеф заговорил на планерке первым, не дожидаясь, когда Вован пропоет свою песню о наших планах на сегодня, на предстоящую неделю, на миллион лет вперед? То есть я-то знал причину, но как они-то догадались? Почему Даниловна, когда я проходил мимо нее, сделала такое лицо, словно мимо нее прошел на планерочку медведь?

— Я... — я хотел что-то сказать, но увидел, как Вован поправляет галстук и понял: я же без галстука!

Мысль бросилась дальше: я же не побрился! Не расчесался утром после сна! Вообще в ванную не заходил!

— Я... я неважно себя чувствую, — наконец выдал я и понял, что про клеща рассказать им не смогу, — голова с утра разболелась. Это не от вина. Честно!

Я глянул на Олега, Ваню и Мишу. Сидят себе спокойно. Трезвые. Довольные. Побритые и при галстуках. Клещи их не кусали. Коньяк они вчера не пили. У всех все как всегда. Один я оказался вдруг чумным.

— Татьяна Даниловна, зайдите на минуточку! — проскрипел шеф в телефон, и как только та появилась на пороге — попросил: — Принесите пожалуйста Сергею аспирин и галстук! У вас, кажется, висели какие-то в шкафчике?

Даниловна закрыла за собой дверь, ничего не ответив, а в кабинете воцарилось гробовое молчание. Я мучительно пытался сообразить — что же мне сейчас сказать такое, чтобы не выглядеть идиотом в глазах коллектива. Хотя — плевать мне на коллектив! Нравится надо сексуальному партнеру и начальнику. Вчера я не понравился партнеру. Сегодня мной недоволен уже начальник! Что же дальше будет?

Через минуту секретарша принесла стакан воды с растворенным в ней аспирином и галстук. Я сначала затыкнул на шее удавку, а потом уже выпил стакан кислой шипучки.

— Спасибо! Через пять минут я буду в норме! — заверил я блокнот, лежащий передо мной на черном столе.

Вован пробубнил свою обычную мантру, мы записали в блокноты то, что должен был сделать каждый до пятницы, и разошлись по рабочим местам. Перед окончанием планерки, когда все уже задвигали за собой стулья, я повернулся к шефу и ломким голосом промямлил:

— Иван Николаевич! У меня вправду такое впервые в жизни! Голова прям огнем...

— На больничный иди, раз заболел! Мне тут только инфекции не хватало! — сухо ответил шеф, взял трубку и забыл о моем существовании:

— Алешеньки! А кто это? А-а, Василий Михайлович? Теперь узнал. Ну, рассказывай! Да спасибо, помаленьку!

Я вышел из кабинета и сразу увидел, как Вован собрал вокруг себя народ около туалета и что-то оживленно объясняет. «Под меня подкоч ведет, козья морда! Агитирует почище Ленина! Ишь, ручонками машет! Того гляди — взлетит!» — подумалось мне тоскливо. Хотел пройти мимо и сделать вид, что ко мне это сборище никакого отношения не имеет и я вообще выше всяческих интриг, но тут расслышал речь Вована, и у меня сразу отлегло.

— Заказал новый кухонный гарнитур! Мне его поставили и сказали, что мойку надо ждать неделю, пока ее отольют. Знаешь, как из гранита. И цена — сто двадцать косарей! В субботу привозят мойку, а я-то на работе. Дома попросил посидеть дочку. Той тринадцать лет, а верзила уже почти с папу ростом! Она им открыла дверь, а сама ушла в комнату. Потом рассказывает мне: слышу, говорит, на кухне что-то бац! Упало! И тишина. Проходит с час наверно. Ну я решила, мол, посмотреть — как там дела идут. Выхожу в кухню: мойка лежит на полу разбитая пополам — и никого! Они ее как грохнули, так удрали, пидарасы, и теперь я до этой бригады дозвониться не могу. Вчера весь день их набирал, сейчас звоню — абонент временно не на связи. Вечером поеду, буду концы искать. Я им сто двадцать косарей дарить не собираюсь! Вот где головняк-то еще! И ведь русские, что характерно, работали!

Народ покивал головами, а я над каждой кивающей головой внезапно увидел бегущую строку: так тебе и надо! И сам подумал: и это ты называешь головняком? Головняк — это когда клещ укусил и теперь три недели ходи и думай: сдохнешь ты от этого или пронесет? Кстати, мне же надо у кого-то денег перехватить! Стыдно, а что делать! Как же не вовремя я купил эту тачку!

— Ваня, тут такое дело... — завел я разговор с Ваней, когда тот остался в коридоре один, — я тачку взял, и вдруг резко деньги понадобились. Не перехватишь мне пятерку до зарплаты?

— Извини, все потратил! Осталось две сотки и холодильник пустой! — сделал тот честные глаза.

«А если найду, тварь? Ты же сегодня только на обед три сотни в пиццерии спустишь!» — так и просилась из меня фраза, но я только молча покивал и пошел ловить Олега.

— Олег, тут такое дело... Пятерку не займешь до зарплаты? Я тачку...

— Извини, Сергей, но ко мне завтра Тоня приезжает. Надо встретить человека, в театр хотим сходить, а денег — ну вообще в обрез!

«Какой театр для этой дуры колхозной? Борща ей свари, пошоркай и выгони к чертям! Сученьш! Еще в пятницу наверняка бы сразу метнулся к матери и занял бы для меня хоть полтинник! Мать у него через два дома живет и директором универсама работает. А сегодня я для него словно уже и не начальник, а труп ходячий!»

Но я снова ничего не сказал, посмотрел в сторону Миши, и по его хитрому взгляду понял, что тот уже в курсе и заготовил для меня какую-то железобетонную отмазку. «Можно и не просить», — подумал я в сторону Миши и снова прочитал по его мысленной бегущей строке: «Хрена тебе лысого вместо денег!»

День прошел как в плохом сне. Все чем-то были заняты, все куда-то звонили, ездили, смеялись, а я словно выпал из жизни. Делал вроде бы все так, как всегда, но смысл происходящих вокруг меня звуков и событий терялся на подступах к подкорке. Я постоянно зевал, чего со мной на работе не случалось прежде никогда. Мозг был занят совсем другими проблемами: где взять пять тысяч и как узнать: болен я или нет? Едва дождавшись окончания работы, я сдал Даниловне казенный галстук и вышел на улицу. Лил настоящий осенний дождь, а я, конечно же, оказался без зонта и плаща. Ну что за невезуха! Мимо меня проехал Вован, на секунду притормозил и спросил: в какую мне сторону? Я ответил, что на правый берег.

— Не, я в Северо-Западный поехал. Эти пидарасы где-то там обитают. Найдю — порву на тряпки! Сто двадцать косарей отдал за раковину! И ведь русские! Я в другой раз таджиков найму!

Мимо прошел Олег. Конечно же, в ветровке и под зонтом. Глянул на меня и мельком заметил:

— Вчера прогноз погоды слушал. На три дня, говорят, зарядил. Хорошо, что на выходных погода стояла классная! Денек погожий ухватили! Поехал Тоню встречать!

Он словно и не заметил, что я стою под холодным дождем в костюме за пятнадцать штук без зонта и трясусь от холода! Ну что за люди у нас в фирме работают! Повыгонять всех к черту!

Приехав домой, я зашел в прихожую, включил свет и посмотрелся в зеркало. На меня смотрел какой-то чужой человек в мокром пиджаке, со спутанными мокрыми волосами, в заляпанных грязью брюках и полуботинках, в которых чавкала вода.

И главное — взгляд этого человека был абсолютно непохож на тот вызывающий, вечно бодрый и веселый взгляд, к которому я привык. В комплект к такому взгляду обычно идут сутулая спина, седые виски и трость. Я взгляделся в отражение получше в поисках седины. Нет, пока вроде бы не просматривается. Просто мокрые русые волосы и капли воды, катящиеся по лицу. Жалкое зрелище!

Весь вечер я приводил в порядок костюм: застирывал, сушил, гладил. Потом нашел галстук и, наконец, повесил готовый комплект в прихожей. Потом пытался звонить разным людям с целью подзанять денег. Никто не дал ни копейки, и после четвертого звонка я прекратил это унижение. Все разговоры начинались и заканчивались одинаково: привет, как дела, давно не виделись, что нового, дай денег, нету денег, всем удачи.

Перед сном я полазил по Интернету и выяснил, что есть дешевый заменитель гамма-глобулина под названием йодантипирин. Правда, это был не совсем заменитель, а так, мертвому горчичник, зато стоил всего три сотни. Я прикинул остатки денег и время до аванса. На десять дней четыре тысячи. Нет денег даже на бензин для своей новой тачки, будь она неладна. За аренду бабкиной хаты узбеки отдадут халавную десятку тоже только в районе пятнадцатого. Стоп! А не тряхнуть ли мне арендаторов, чтоб пораньше заплатили?

Уже буквально ваялась с ног, я почти в полночь позвонил узбекам, но трубку так никто и не взял. Засранцы! Все только и мечтают о моей смерти! Завтра надо будет зайти к ним в ларек и вытрясти десятку на две недели раньше срока.

Шестого сентября, во вторник утром, я зашел перед работой в аптеку и попросил йодантипирин.

— Извините, но пока нет. Все разобрали. Сезон, знаете ли. Следующий раз к нам будет привоз лекарств двенадцатого числа. Мы уже заказали, так что приходите!

Я проклял все на свете и, приехав на работу, заказал лекарство с доставкой на дом по Интернету. Там пообещали привезти вечером домой за почти пять сотен. Грабители! Везде грабители! Я кормлю грабителей! Мне приставили клеща к пузу и требуют денег!

Именно потому я не беру кредиты. Никакие и никогда! Потому что там, за стеклянными окошками, мило улыбаясь, сидят самые страшные грабители! Такие грабители, что я готов скорее рискнуть здоровьем, чем брать у них деньги под немислимые проценты. Я сам впариваю машины в кредит и прекрасно знаю всю эту кухню. Это не они меня кредитуют! Это я их кормлю!

Вечером я навестил узбеков. Они жарили шашлык в шашлычной и поклялись, что сегодня денег у них уже нет, поскольку купили мясо и масло на два года вперед.

Я пригрозил им, что выгоню из хаты или подниму оплату. Они пообещали завтра к вечеру найти хотя бы пять тысяч.

Уже около десяти вечера привезли йодантипирин, и я тут же проглотил лекарства вдвое больше положенного. Каждую секунду, даже во сне, я вслушивался в свои внутренние ощущения, готовясь, пусть неосознанно, к самому худшему.

И почему-то я уже почти не вспоминал и не проклинал ни клеща, ни Юлю, ни коттедж. Мозг смирился с действительностью и жил только надеждой на то, что клещ был не заразный. В Интернете я прочел, что некоторые заболевают сразу после укуса — и это почти всегда заканчивается плохо. Некоторые — через две-три недели, и тогда болезнь лечится, хотя иногда человек остается инвалидом. Никаких симптомов болезни я пока не чувствовал и больше всего напрягало именно то, что постоянно, каждую секунду, ты думаешь только об одном: не болит ли голова? Не полезла ли температура? Не покраснело ли место укуса?

Седьмого сентября вечером я заехал к узбекам и содрал с них пять тысяч. Я злился, грозил и ругался, но больше они мне так и не дали. Делали круглые глаза, выворачивали карманы, показывали пустые столики и жаловались, что летом место стало совсем недоходное, поскольку народ предпочитает посиделки на набережной. Я в последний раз чертыхнулся, пересчитал всю наличность — получилось около восьми тысяч — и, решив, что на отечественную ампулу мне хватит, поехал в знакомый травмпункт.

Та же медсестра сидела на прежнем месте.

— Разрешите? Я вот насчет гамма-глобулина! Отечественного! От клеща.

— Отечественного нет, вчера последнюю ампулу распечатали. Есть только импортный. Будете брать?

— Блин! У меня денег не хватит! У меня только семь восемьсот. Может, как-то договоримся и я вам потом принесу? У меня зарплата пятнадцатого — и я вам сразу принесу! Я клянусь! Могу вам паспорт в залог оставить! Или права! Ведь от этого моя жизнь зависит, поймите!

Я не говорил, а стонал! Молил! Смотрел в отсветы лампы в очках и умолял эти бездушные стекла мне помочь.

— Вы где работаете? — вдруг с участием в голосе произнес этот робот, и я почувствовал, что лед в ее душе растаял и мои мольбы услышаны!

— В автосалоне. Я продаю машины, — услужливо произнес я, понимая, что спасение уже рядом.

— Давайте сделаем так, — ласково проворковала она и вдруг рявкнула: — Вы мне даете машину из своего салона, а деньги я вам как-нибудь потом верну! Как вам такой вариант? А в залог я вам оставлю свой халат. Я каждый день выслушиваю одно и то же! Выйдите из кабинета и не мешайте работать! Ампула стоит восемь тысяч восемьсот рублей! Там четыре дозы! Вчера приходил один человек с клещом. Может, и сегодня кто-то придет. Можете сесть в коридоре и подождать, если хотите. Если вам повезет — укусят еще кого-нибудь.

Я молча вышел из кабинета и встал у стены. Мыслей в голове не было ни одной. У меня есть шикарная квартира! Отличная машина! За мной бабы бегают как кошки, почуявшие валерьянку! И у меня не хватает одной тысячи рублей для того, чтобы сделать укол, от которого, возможно, зависит моя жизнь! Это не укладывалось в голове. Это разрывало душу чудовищной несправедливостью и абсурдностью ситуации. Хоть иди к Торговому Центру, садись там у церкви и проси милостыню! Миллионный город не может изыскать одну тысячу рублей, чтобы помочь не кому-то, а мне! Мне!

Рядом освободилось место, я сел и тупо уставился в стену. Чего я ждал — непонятно. Больные приходили, их привозили и поддерживали под руки, они стонали, плакали, матерились и дышали перегаром, кидались с кулаками на врачей и падали в обмороки. А я сидел и продолжал чего-то ждать. От злости мне не хотелось ни есть ни пить. Я буравил взглядом крашеную масляной краской стену, и слезы наворачивались на глаза. Я доставал носовой платок, сморкался, вытирался и продолжал сидеть.

Потом вдруг вспомнил, как бабушка часто говорила после первого инфаркта: «Ну, вот! Скоро умру, Сереженька!» А я втайне думал: «Ну вот! Скоро эта хата станет моей и я наконец приведу в нее Ирку из второй группы!» А кому перейдет моя нынешняя хата в случае, если умру я? Отцу? Вот позвоню ему сейчас и скажу: «Скоро я умру!» А он такой в ответ: «Давай! Только ключи от хаты соседке оставь, чтоб мне потом двери не ломать!»

— Молодой человек! Вы еще тут? Укол ставить будем? Пришел еще один типа вас. Ампулу на двоих брать будете? Это по четыре четыреста тогда получается с человека!

Я сначала не понял, что это обращаются ко мне. Робот в очках стоял в дверях, направив окуляры в мою сторону, и до меня наконец дошел смысл сказанного. Рядом с медсестрой стоял дед годов семидесяти пяти, засохший и небритый, в пахнущем дымом буром таежном костюме выпуска конца семидесятых. Я встал и понял, что у меня сильно затекли ноги. Сколько же я тут просидел?

Мы прошли в кабинет. На столе стояла стеклянная посуда, в которой шевелило лапами знакомое мне насекомое. Судя по огромному брюху, оно питалось дедом не один день. Я отвел глаза и полез в кошелек.

— У вас когда было присасывание клеща? — снова спросила меня женщина в белом.

— В субботу, — доставая деньги, вяло ответил я.

— Так вам какой смысл глобулин ставить? Он эффективен в первые трое суток после укуса, а сегодня уже восьмое число началось!

— Восьмое? — Переспросил я, достал смартфон и глянул время и дату: «00:58. Восьмое сентября».

— Действительно. Восьмое. А укусил третьего. Смысла нет? — спросил я, чувствуя, как надежда выжить улетучивается, как спирт с ваты.

— Ну, я поставить-то могу, но надо вам было раньше приходиться!

— Я приходил. А вот этот, — я кивнул на деда, — припоздал. Ставьте!

Я отсчитал деньги. Дед, матерясь сквозь зубы и вспоминая СССР, отключил свою половину суммы, потом мы назвали свои имена, фамилии и адреса, медсестра достала из холодильника ампулу с порошком, ловко отломила носик, чем-то развела порошок, сделала укол сначала деду, потом взяла другой шприц и ткнула в задницу мне. Стало очень больно, но я стиснул зубы и решил не жаловаться.

— Посидите в коридоре, никуда не уходите! Сейчас я заполню бумаги и вам отдам.

Мы вышли в коридор. Пациентов в такой поздний час оставалось немного: один бомж сидел по привычке на полу и держался за разбитый нос, да взбудораженный молодой отец моего возраста бегал по коридору с годовалым малышом на руках. Оба при этом громко орали. Мальчик — от боли, а отец — про то, что его ребенок упал со стула и сломал ручку. Через минуту они скрылись за дверями кабинета, потом прошли в рентген, потом обратно в кабинет, и через пятнадцать минут отец вынес зарезанного сынишку с гипсом на предплечье.

— Точно перелом! Все! Мама меня завтра приедет! — горестно посетовал папаша.

В кабинет к хирургу, держась за стену, потянулся бомж с разбитым носом.

Дед, воявший костром, и я сидели рядом как родные. Как-никак — в нас теперь текла одна ампула!

— А я думаю — прыщ соскочил на жопе или фурункул? — задумчиво забубнил дед. — Там же не видать! А это эвон че! Хотел выдернуть — шиш! Прилип, тварюга! С Рябиного пока добрался! Ну а тебя как угораздило? Не болеш ишшо? Девять тышш за укол! Охренели, падлы!

Я открыл было рот ответить и вдруг осознал, что этот дед — единственный, кто поинтересовался моим самочувствием и знает мою тайну! Ни отец в своем Норильске, ни шеф, ни Юля, ни Настя понятия не имеют о моей проблеме. И если я начну изливать перед кем-то душу — все просто раскроют над собой зонтик, сядут в свою машину и скажут: а над нами не капает! У нас все прекрасно! Ах, у тебя проблема? Прости, друг, но она нас никаким боком не касается! Кто же виноват в том, что тебе так плохо и одиноко сейчас, и единственный, кому ты можешь рассказать о своей проблеме, — вот этот дед, которого ты знаешь всего полчаса и с которым ты сейчас навек расстанешься? Кто виноват, что в этой жизни ты на фиг никому не нужен?

— Возьмите!

Надо мной стояла медсестра, протягивая нам с дедом какие-то квитанции. Я машинально сунул бумажку в карман и поднялся.

— Как чувствуете себя после укола? — спросила женщина в белом.

— Нормально, спасибо! — рассеянно ответил я, и дед согласно кивнул.

— Инкубационный период — три недели! Если вдруг в течение трех недель с момента укуса начнет подниматься температура или заболит голова — сразу вызывайте скорую помощь! — приказала нам медсестра, а потом повернулась к деду: — Вы позвоните через пару дней! Я сейчас не знаю, как скоро анализ вашего клеща сделают. Сейчас вся лаборатория в отпусках.

— Понятно! — ответили мы с дедом, вышли на улицу, трижды сплюнули через левое плечо, пожали друг другу руки и побрели по домам.

Восьмого сентября, в четверг, мне позвонила Настя. Зная Настину натуру, я ждал этого звонка и потому не был особо удивлен, услышав сигнал своего смартфона и увидев на экране Настю в чем мать родила: я снял ее спящую у себя дома месяца полтора назад. С экрана на меня смотрели две огромные дойки, запечатленные на двадцати мегапикселях так, что у меня от воспоминаний захватило дух.

В момент звонка я сидел в офисе и гонял пустой чай с крохотными казенными карамельками, которые стояли в огромной вазе в форме бокала на стеклянном столике, за которым посетители ждут менеджера по тем или иным делам и вопросам. Денег на тот момент у меня почти не осталось, поэтому на обедах я решил сэкономить. Пять сотен я забросил на транспортную карту, чтобы не ходить пешком полтора часа в один конец на работу и обратно. Пять сотен отдал за мобильную связь. Набрал чая, сухарей, десяток яиц и китайской лапши. Хотел заправить машину и приехать на ней, но передумал: если я еще вдобавок ко всему попаду в аварию, то тогда точно смерть! Оставил полторы тысячи «про черный день», как говорила моя бабушка. После смерти бабушки у нее осталось столько денег про этот самый день, что буквально через месяц я сдал на права и купил на них свою первую машину.

Бабуля, правда, хотела, чтобы на эти деньги я поставил ей памятник и справил свадьбу, но руки у меня не дошли ни до того, ни до другого. А теперь уже отец обещает приехать в отпуск и заказать памятник. Он обещает это сделать уже шесть лет. Каждый отпуск он с семьей проводит на югах: лечит детей и купает в теплом

море жену, которую я не видел вообще ни разу. А у бабушки на могиле вот уже десять лет ржавеет стандартная жестяная коробка. Ей не к спеху. Это у живых время лимитировано.

— Привет! Долго трубку не берешь. Обедаешь? Не отвлекаю? — Настин голос звучал буднично, но что-то в нем мне сразу не понравилось.

— Обедаю. Не отвлекаешь, — не стал вдаваться в подробности я.

— Короче, так. После всего, что было на выходных, у меня для тебя вариантов два: или ты на мне женишься и кончаешь раз и навсегда таскаться по бабам, или мы прощаемся!

— А что было на выходных? Напомни! Все были пьяные. Я отнес твою подругу в дом, а ты стала меня пинать. Я чисто инстинктивно махнул рукой в ответ.

— А потом всю ночь чисто инстинктивно тер Юлю! — закончила она за меня.

— Кто тебе такое наговорил? Юля?

— Знаешь что? — ее голос становился все громче. — Не надо считать меня полной дурой!

— Я не считаю тебя полной дурой! — я сделал упор на слове «полной». — Приезжай сегодня вечером! Поговорим, выпьем пива...

— Бегу аж тапки теряю! — взвыла буря на том конце. — Как надумаешь — звони! Мое предложение в силе до конца месяца. Хватит меня матросить! Мне скоро двадцать пять, так что сам понимаешь! Время — деньги!

И она дала отбой. Это была ее любимая поговорка.

Женские скандалы уже не ранили меня так, как десять лет назад, когда каждое расставание было сродни духовному опустошению. Но когда опустошать стало нечего — мне сразу полегчало. Поэтому забивать голову разными вопросами из-за бляения очередной овцы я не собирался. Ах, да! У нее же день рождения первого октября! И она, конечно, перестанет давать на первом же свидании каждому трактористу, вылезет с сайта знакомств и будет как пионерка сидеть дома и помогать маме полоть огород!

Я даже засмеялся про себя, представляя ее в качестве верной жены. Нет уж, дорогуша! В жены я возьму существо поприличней, чтобы не искать каждый вечер в шкафу какого-нибудь Вована и не жарить себе и тебе на ужин осточертевшую яичницу, пока ты будешь пудрить ногти и пердеть в ванной из-под воды.

Конечно, в возрасте, когда Иисус закончил свою земную жизнь, каждый мужчина начинает задумываться о том, с кем же ему дальше жить? Навсегда остаться одиноким или жениться и погрузиться в этот тепленький жиденский бульончик под названием «Семейная жизнь»?

У меня, кстати, есть на этот счет заначка: училка младших классов, очкарик и скромница, с которой мы регулярно общались в чате, а вживую встречались один раз в два-три месяца. Гуляли в парке и по набережной, я свозил ее пару раз за город полюбоваться видами Енисея с высокого берега. Мы даже сходили с ней в кино и поцеловались у подъезда! Но внешность ее была под стать работе, а замашки старой девы медленно, но верно превращали ее в очкастую стерву. В свои двадцать восемь она выглядела на все тридцать пять и не делала ни малейшей попытки это исправить. Я вяло пытался ее совратить, а она пыталась приучить меня ходить в церковь и прочитать хотя бы «Каштанку». Счет был пока ничейный: ноль — ноль.

Удочки на баб я закидывал везде: на работе кадрил клиенток, кассирш и девок из нашей автомойки. В Интернете зарегистрировался сразу на двух сайтах, и главной моей проблемой вскоре стало — не перепутать: с кем и когда назначено свидание. Поэтому потеря Насти меня огорчила, но не очень. Девка знойная, но тупая. «Сри, как красиво! Сри туда, сри сюда! Клева! Ништяк! Круто!»

Я бы с удовольствием еще раз встретился с Юлей и показал ей небо в алмазах, но она, видимо, из тех женщин, которые после пятой рюмки теряют чувствительность. Поэтому при случае можно пригласить ее домой полюбоваться закатом и почитать басни Крылова или что там у нее еще есть в библиотеке. А перед этим — две недели воздержания! А сразу перед этим — рюмочку «Хенnessи»! И тогда поглядим, что она почувствует! Вот только пока не совсем понятно — как этот случай организовать? Позвонить самому или дождаться, когда клиент созреет? Хотя тут такой клиент, который может не созреть вовсе.

После работы я зашел в аптеку и купил себе самый дешевый электронный градусник за двести рублей. Впервые в жизни потратился на медтехнику! Придя домой, первым делом померил температуру. В норме!

Проглотил йодантипирин, заварил китайскую лапшу и подумал: а чего я так переживал? Осень! Клещи растеряли свой яд два месяца назад! Мне поставили укол гамма-глобулина! Йодантипирин глотаю горстями! Какой энцефалит или боррелиоз! Я снова жив, здоров и готов с аванса заправить свое новое купе, пригнать его в нашу мойку и попросить нашу новенькую помыть ее от и до. Как же ее зовут, эту дуреху, которая устроилась к нам сразу после школы? Она мне помоеет машину, а я вечером прокачу ее от работы до постели! Моя черная полоска миновала! Впереди — длиннющая белая дорога, на которой меня ждут бабы, деньги и повышение по службе! Жизнь продолжается!

Девятого сентября, в пятницу, я проснулся оттого, что кричу во сне. Меня тащат по снегу те же зеленые кони, а я барахтаюсь и не могу понять: где же сани? Я вижу шестиногих зеленых монстров со стороны и даже издалека, но тем не менее они тащат меня за собой с непреодолимой силой в какую-то ледяную черноту.

Я вскрикнул и открыл глаза. Было темно. На потолке бегали зайчики от фар машин, едущих где-то далеко внизу. Я проследил за очередным фонариком глазами и почувствовал, что двигать ими мне больно. Попытался повернуть голову, чтобы найти смартфон и посмотреть время, и понял, что сделать это не могу: шея не поворачивалась. В теле усиливался жар. Первая мысль, которая посетила мой мозг: я простыл и у меня поднимается температура. Я сбросил одеяло и с трудом опустил ноги на пол. Пол обжег ступни ледяным холодом. Меня мелко знобило. Трясаясь, я доковылял до холодильника, достал из дверки аспирин, выломил пару таблеток, разжевал их зубами и, содрогаясь от кислотины, запил белую кашичу водой из-под крана. Потом добрался до смартфона и нажал на экран. Часы показывали половину второго ночи. Я забрался под одеяло и попытался уснуть, но голова болела все сильнее.

Словно кто-то невидимый очень медленно — один оборот в час — закручивал вокруг головы стальной обруч. Один оборот в час делал палач на винте гарроты (орудие пытки. — Ред.), и организм успевал и свыкнуться с этой новой болью, подстроиться под нее и понять, что это — не простуда. Лежа под одеялом и трясясь мелкой дрожью, я достал градусник и сунул под руку. Огоньки на потолке слились в слаженный хоровод и исполняли какой-то замысловатый танец. Градусник запищал, я с трудом нащупал выключатель светильника и зажег ночник в форме цветка лотоса.

— Тридцать девять и три, — сказал мне градусник, — ты крепко влип, приятель! Вызывай карету и не забудь взять остатки денег и зарядное для мобильного! В больницу еще положено брать свои тапочки, зубную щетку и туалетную бумагу. А некоторые даже едут туда со своими телевизорами и сиденьями для толчка!

— Как ты назвал мою Сонечку, пищалка! — возмутился я, тывая градусник мордой в смартфон стоимостью в двести пятьдесят таких, как он, однокнопоч-

ных. — Это не мобильник! Это смартфон! Это статусная вещь! Не то что ты, палочка для суши!

— Все статусные вещи теряют смысл, когда тебе становится плохо. Статусные вещи хороши, когда есть здоровье. А когда умираешь, то готов обменять новую «Селику» на шприц с папаверином!

— Как ты смеешь сравнивать мою «Селику» с каким-то шприцом! — Я погладил свою новенькую «Тойоту» по зеленому капоту и подумал: а кто перекрасил капот? Ведь я брал белую машину, а теперь она зеленая. Эй, кто это тут балуется? Эй! Эй!

Выпавший градусник монотонно попискивал где-то под одеялом. Я нащупал его и еще раз посмотрел на экран. Тридцать девять и три десятых. Ледяное одеяло совершенно не согревало, и мой озноб за каких-то пятнадцать минут превратился в полноценную лихорадку. Я, накинув одеяло на себя, добрел до холодильника, снова достал упаковку аспирина и проглотил не жуя оставшиеся три таблетки. Желудок начинал побаливать от кислоты, но это было ничто по сравнению с болью в голове, глазах и шее. Уже не думая ни о чем, я дотянулся до смартфона и набрал «103». Трубку взяли сразу.

— Але! — прохрипел я, не узнавая собственного голоса. — Клещ укусил. Температура тридцать девять. Сказали позвонить, когда капот станет зеленый.

В трубке выслушали мой бред и спросили адрес и возраст. Потом попросили приготовить медицинский полис и открыть двери подъезда, когда приедет машина. В полном отупении, трясаясь всем телом, я собрал в первый попавшийся пакет тапки, полотенце, зарядное для телефона, туалетную бумагу, паспорт и медицинский полис, надел спортивный костюм, сунул в барсетку оставшуюся тысячу с чем-то, погасил свет и вышел из квартиры.

Зеркало лифта выдало мне пару дерганных гримас, и через пять минут я стоял перед подъездом. Сентябрьская ночь была прекрасна! Светили звезды, пели птицы, гуляли влюбленные, и в протекавшем рядом Енисее была хвостом щука. Ничего этого мне уже было не надо. Ничего этого я уже не видел и не слышал. Я сел на скамейку около подъезда, наклонился, и меня вырвало остатками лапши и таблеток. Со лба катился холодный пот, и я никак не мог понять: жарко мне или холодно? Тошнит меня от температуры, головной боли или таблеток? И почему капот стал зеленый?

Рядом остановился микроавтобус. Из него вышел мужчина в белом халате и спросил про полис. Я достал из барсетки бумаги и протянул ему, а потом снова согнулся пополам: голова оказалось чудовищно тяжелой и держать ее вертикально стало неимоверно трудно. Я носил ее тридцать три года и даже не замечал! Какая она, оказывается, тяжелая! И зеленая! Почему все перекрасили в зеленый цвет?

Мужчина в белом халате взял меня за локоть, подвел к машине, откатил боковую дверку «Газели», помог забраться внутрь, потом захлопнул дверь с таким грохотом, что я, упав на железную скамью, заткнул уши руками. Врач тем временем сел в кабину рядом с водителем, они включили Шуфутинского и повезли меня по полупустым улицам ночного города. Куда меня везли — я не видел, и мне это было абсолютно безразлично.

По перепонкам бил Шуфутинский. Бил ногами, руками, дубиной, кастетом. Раньше я часто слышал эти песни. Мы на разных вечеринках какой только музыки ни крутили! Но у нас она никогда не грохотала так яростно и никогда в жизни каждый звук, каждая нота не впивались в мой мозг осами и шершнями, не долбили дятлами и не били конскими копытами.

На каком-то из поворотов я не удержался на скамье и завалился на пол. Пол был железным и зеленым. Почему все зеленое? Из зеленого пола медленно вылез огромный жирный клещ, засунул свое жало мне в мозг и стал с чмоканьем пить содержимое. В этот момент звук мотора ЗМЗ-405 сменился на рев пикирующего

бомбардировщика «Юнкерс — 87 Штука». Фашистский самолет спикировал откуда-то из созвездия Ориона и скинул бомбу прямо мне на голову. Раздался взрыв — и все погасло.

— Сам идти сможешь? — спросила меня мама, толкая в плечо так, словно мне снова было пора в детский сад.

Я ненавидел детский сад. Самые страшные мои воспоминания связаны с ним. Эти вставания по утрам! Эти слезные прощания возле кабинки с зеброй! Этот запах молочной каши! Эти позорные горшки! Вечерние ожидания бабушки: придут за мной или забыли? В какие бы неприятности я потом ни попадал, как бы плохо мне ни бывало — но хуже, чем в детском саду, быть просто не могло по определению! Если бы мне предложили на выбор армейскую учебку или детский садик — я бы, не раздумывая ни секунды, выбрал учебку. Почему я вдруг сейчас об этом вспомнил? Запах каши был так надежно заперт в подсознании, что я не вспоминал о нем почти тридцать лет! Но стоило его почуять — накатила тот же страх. Нет, не тот же! Страшнее!

— Смогу! — ответил я и самостоятельно пошел домой к бабушке.

А вот там запахи были совсем другие. Там пахло чаем с шиповником и рыбным пирогом. Бабушка стряпала рыбный пирог с двумя сортами рыбы: с сайрой и горбушей. Она рассказывала, что раньше, когда мой папа был такой же маленький, как я сейчас, она стряпала пирог не из консервов, а с настоящей рыбой, которая называлась «Угольная». Вкуснее пирогов с угольной рыбой на свете не было ничего, и маленький папа уминал зараз по три куска со сладким чаем. Я очень хотел попробовать пирог с такой рыбой, но ее в магазинах перестали продавать.

Видимо, она плохо размножалась и ее съели всю. Интересно: человек, который ел пирог с последней угольной рыбой, что он чувствовал? Он знал, что эта рыба последняя и что в океане таких больше не осталось?

— Давай каталку! — сказала бабушка.

У бабушки никогда не было каталки. Как-то раз она зимой сломала ногу и потом почти год ходила с тросточкой. Я прятал эту тросточку под диван, а бабушка делала вид, что не может ее найти, и с шутливой сердитостью хлопала себя руками по коленям. Потом, когда нога у бабушки перестала болеть, мы отдали трость какой-то другой бабушке, у которой тоже болела нога. Больше бабушка никогда не пользовалась ни тростью, ни каталкой. У нее был сначала один инфаркт, а через год второй, от которого она мгновенно умерла во сне. Я в тот день не пошел в институт, а на другой день уже пошел. И для чего ей каталка — я не понимал.

— Капельницу носи! — пробасил отец.

Зачем отцу капельница? У него же дети болеют, а не он сам. Сколько можно жить в этом Норильске? Когда в Красноярске минус двадцать, то там — минус сорок пять. Отец как-то рассказывал, что в пригороде Норильска Талнахе, откуда родом его вторая жена, на зиму натягивали тросы между домами, чтобы людям было за что схватиться во время порывов ветра и чтобы они не заблудились и не ушли ночью в тундру. Наверно, кто-то из его детей опять болеет и им срочно нужна капельница.

— Вы бы не могли сдать мочу на анализ?

Снова бабушка. Это она давала мне баночку из-под майонеза, а потом несла мочу в поликлинику, чтобы врач подтвердил, что я окончательно здоров. Такое случилось только один раз в моей жизни. Больше я никогда мочу не сдавал, потому что почти не болел. А бабушка после инфаркта часто болела и сдавала анализы каждые три месяца. Потом она умерла, и после нее осталось много баночек. Я сложил их в пакет и вынес на помойку. Поэтому сейчас баночек у меня нет. Как же я сдам анализ?

Рядом со мной застал какой-то дед. Он застал очень привычно, заученно и безнадежно, и я подумал, что стонет он так уже много лет и не было никакого смысла привозить его в больницу. Скрипели колеса каталки, с улицы доносился шум двигателя, и по звуку я понял, что это «Газель». Рядом со мной стояла молодая женщина в белом халате. Она выдернула иглу из сгиба моего левого локтя, отодвинула в сторону капельницу, похожую на вешалку в прихожей у Ирки Кожуховой, и повторила:

— Вам надо мочу сдать! Вы меня слышите? Сможете встать?

Я приподнялся на локте и оглядел приемный покой. Штук десять каталок на колесиках, на каждой из которых лежал человек. Около троих стояли такие же вешалки с капельницами. Кто-то шевелился, кто-то стонал или что-то говорил.

Голова болела так, как не болела никогда. Какой-то тупой неизбывной болью, которую аспирином не победить. Глаза в глазницах смотрели только прямо, в фокусе было лишь то, что находилось прямо передо мной. По бокам все расплывалось и мельтешило, словно вокруг головы роилась мошकारа. Я глянул на потолок и тут же опустил голову: по потолку скакали зеленые лошади. Смотреть на это было жутко. Я понимал, что быть этого не может, закрывал и открывал глаза, но лошади продолжали скакать, словно на потолок был натянут экран летнего кинотеатра.

— Постараюсь!

Женщина помогла мне встать, сунула в руку баночку и довела до туалета. Я открыл дверь, зашел в уборную и понял, что сбился мой страшный сон: я оказался в больничном туалете. Правда, ничего ужасного я там не обнаружил. Кафельный пол не скользил и был только что вымыт. В углу стояло цинковое ведро с какой-то надписью, на древней швабре сушилась мокрая тряпка, а рядом на стареньком табурете лежали большие резиновые перчатки, кусок хозяйственного мыла и бутылка с отбеливателем. Четыре унитаза сияли чистотой, крышки у всех были подняты. Пахло хлоркой и больницей. Я всегда думал и не мог понять: что в больнице так может пахнуть? Какое вещество? Какая субстанция вызывает этот запах, который называется больничным?

Постояв несколько минут около унитаза, я вернулся к своей каталке.

— Извините, но ничего не получается! Температура высокая, я весь высох! — сообщил я медсестре.

— Ничего страшного! Ложитесь! Давайте еще раз измерим температуру!

Она дала мне ртутный градусник и пошла встречать нового больного. Медбрат за столом непрерывно писал какие-то бумаги, а на входе я заметил охранника. Дед продолжал охать. Около него стояла капельница. Какая-то старушка в дальнем углу тихо плакала в платочек, сидя на каталке, а около нее стояла женщина средних лет и негромко, но тревожно говорила с кем-то по телефону. Приняв еще одного больного, медсестра подошла ко мне, забрала градусник, глянула на него мельком, встряхнула, протерла спиртовой ваткой и пошла к столу.

— Сколько там? — поинтересовался я ей в спину.

— Сорок почти! — бросила она буднично через плечо.

— А где я? Ну — что за больница?

— Городская неврология. Пока можете поспать. В восемь придут врачи, тогда развезем вас по палатам.

Мой бред после капельницы постепенно исчезал, но голова шла кругом и снова начинался лихорадочный озноб.

— А можно что-нибудь от температуры? — окликнул я снова женщину в белом. — Трясет! Я температуру плохо переношу.

— Минуту! — отозвалась та, обошла еще трех или четырех больных, потом вышла куда-то, вернулась и подошла ко мне со шприцом в одной руке и двумя ам-

пулами — в другой. Отломил носик у одной, набрала в шприц, отломил другую и набрала этот шприц уже целиком.

— На живот ложитесь!

Я никогда в жизни не чувствовал себя настолько бесполым и беспомощным! В этом заведении не было мужчин и женщин. Тут были больные. И что самое страшное — я был среди них самый больной!

— А что это, если не секрет? — выдал я из себя вопрос, хотя и сам понимал, что спрашивать тут кого-то о чем-то глупо.

Это все равно как кусок говядины спросил бы мясорубку: на пельмени будет фарш или на фрикадельки. А тебе не один ли хер?

— Дибазол с папаверином, — ответила та.

Я сразу понял эту интонацию. Ругаться с больными, нервировать их запрещено по инструкции, да и просто нет смысла. Клиент всегда прав! Надо ответить этому куску фарша, поставить ему укол, дожждаться окончания дежурства и идти домой. Там ждет муж, дети, домашние дела и радости, а фарш останется в больнице. И что с ним будет — ей абсолютно все равно. Вот и я поулыбался клиенту, продал машину и забыл. Она сделала укол и тоже забыла. Потому что живем мы не для этого. Какой же у меня был девиз по жизни на эту тему? Забыл.

Минут через десять после укола я почувствовал, как волна прохлады покатилась по организму. Лихорадить враз перестало, голова крепко держалась на плечах и даже глаза почти перестали болеть. Может, это вовсе и не энцефалит? Может, это приступ обычной простуды? Или реакция на укол бракованного гамма-глобулина?

Ну конечно, это не энцефалит! Я перевернулся с живота на спину. Потолок как потолок. Белый, с лампами дневного света. Горят, как обычно, через одну. То ли для экономии, то ли сгорели так симметрично? А может, чтобы не мешать пациентам со светобоязнью? Мало ли кого тут привозят! И никаких зеленых коней! Надо собираться домой! К девяти надо быть в офисе. И галстук снова не забыть! Я положил под голову мешок с вещами, прижал к груди барсетку и мгновенно уснул.

— Молодой человек! Молодой человек!

Я открыл глаза — и на меня обрушились водопады зеленой краски! В голове плавало какое-то месиво, которое при каждом повороте головы летело по инерции еще десять оборотов внутри черепной коробки в ту сторону, куда я лишь чуть-чуть поворачивал голову. Я точно знал, что мои глаза открыты, потому что я видел около себя прежнюю медсестру и чернявого мужчину в белом халате и с седой бородкой. Но сразу за их спинами начинались какие-то вакхические пляски непонятных существ, а над всей этой сворой летали шестиногие зеленые кони.

— Нет, он сам не дойдет! Давайте его так доведем! — предложила врачу медсестра. — Коля! Этого в неврологию в двести вторую! Григорий Иванович! Этого и этого — в хирургию! Марина! Мари-ина-а! Убери капельницы!

Я закрыл глаза, и жизнь для меня потеряла всяческий интерес. Какой-то Коля, судя по всему — студент, вез меня по бесконечным переходам, коридорам, толкал мое купе в горку, гремел дверями лифта, а мне это было совершенно неинтересно. Мне была неинтересна Настя, неинтересен шеф в частности и работа в целом, я совершенно не злился на клеща, воров в правительстве, и мне стало абсолютно зелено — расширяется вселенная или сужается.

Моя голова безвольно болталась по пакету с вещами, барсетка съехала с живота, и я машинально прижимал ее локтем к правому боку. Это был весь я. Человек с закрытыми глазами, дикой головной болью, бредом наяву и температурой тела

на грани смертываемости белка. Крохотное насекомое неделю назад незаметно укусило меня в бедро — и вся моя жизнь пошла насмарку! Все планы на завтра, на Новый год, на десять лет вперед сдулись и лопнули.

Какой-то Коля вез меня к какой-то кровати, с которой я, скорее всего, уже не встану. Раз не помог гамма-глобулин и йодантипирин — то все! Если меня скрючило меньше чем через неделю после укуса — это приговор.

— Давайте перележем на кровать! — Коля аккуратно обхватил меня за плечи и хотел взять на руки.

— Я сам! — почему-то возмутился я и приподнялся на каталке.

Меня всколыхнуло осознание того, что мужик будет носить меня на руках, как какую-то пьяную девку. Я сел поближе к краю и, опираясь на Колину руку, встал. Ноги, на удивление, почти не дрожали, а голова, хоть и была тяжелая и плохо держалась вертикально, не кружилась. Когда я посмотрел вниз, то увидел под ногами нормальный пол, застеленный линолеумом, а рядом с собой — панцирную кровать с сильно продавленной сеткой и деревянными спинками. Кровать стояла в углу палаты, немного не по центру широкого окна. Над кроватью я разглядел простенькую лампочку-ночник и розетку. Весь этот уютный уголок освещался лишь светом из коридора, проникающим через дверной проем. Вся остальная палата утопала в темноте, в окнах без занавесок темнело осеннее утреннее небо.

Я лег на кровать и сразу понял, что лежать на ней хуже, чем на каталке, с которой я только что слез. Спина сразу провалилась в яму. Можно ли на ней спать как-то иначе, чем на спине? Матрас сбился комками, и от него несло чем-то несвежим. Правда, простыня и пододеяльник сияли белизной и явно были только что из прачечной. Аккуратно сложенное одеяло лежало в ногах. Подушка под головой была раза в два меньше, чем у меня дома.

Все это я отметил где-то на задворках сознания, потому что, глянув на потолок, я вновь увидел зеленую кавалерию и понял, что схожу с ума. Коля снял с каталки мои вещи, сунул под кровать и укатил свое транспортное средство.

В палате стояла тишина. Кто-то в противоположном углу сопел громче обычного, на грани храпа. Я закрыл глаза, сложил руки на груди и замер. Боль в голове не давала сосредоточиться на какой-то одной мысли больше чем на секунду. Вновь полезла температура. Я уже научился определять этот момент. Легкий озноб, недомогание, ледяные ноги и руки, и в подмышках горячо так, что совать туда руки надо с осторожностью, чтобы не обжечь пальцы. Я дотянулся до одеяла, но развернуть его сил уже не хватило. Укрыл им только ноги, засунул руки в штаны и стал трястись, стуча зубами. Через минуту меня снова затошнило.

Преодолевая боль и холод, я встал и, держась за дверь, высунул голову в коридор. В коридоре шло какое-то движение. Я расслышал уже знакомый скрип колес. Метрах в десяти в коридоре около лестницы стоял стол, на нем ярко горела лампа, а за столом сидела женщина в белом халате и высоком белом колпаке. Она сидела ко мне спиной, но, услышав мои шаги, обернулась.

— Тошнит! — только и смог произнести я.

— До туалета дойдете или таз принести? — спокойно произнесла та, вставая из-за стола. — Доктор будет через полчаса, потерпите пока!

— А где тут туалет?

Пока я не был морально готов принародно блевать в таз.

— Вторая дверь направо!

До туалета я дошел, держась за стену, потом нагнулся над раковиной и пару раз икнул. Блевать было нечем. Я открыл холодную воду. Боже, до чего она ледяная! До чего все ледяное! Как меня трясет!

От тряски сводило мышцы ног, и я подумал, что, если бы не эта тряска, я бы, наверное, упал. Выпил несколько глотков воды, как смог умылся и побрел обратно в палату. На пороге стоял давешний мужчина в белом халате, с окладистой бородкой и традиционным стетоскопом через шею и смотрел, как я ковыляю к своей койке. Когда я прошел мимо него и упал на кровать, он сел рядом и с удивлением в голосе произнес:

— Я было подумал — вы уже выздоровели и убежали домой! Ну, как самочувствие? На что жалуетесь? Рассказывайте все без утайки! Но, если можно, — покороче и побыстрее: там еще двоих привезли.

Пока он это говорил, медсестра уже засунула мне градусник под мышку, потом ткнула в палец иголкой и взяла кровь на анализ.

— Клещ укусил. Третьего числа...

— Сего месяца? — перебил меня врач.

— Да. Вот только что. Поставили гамма-глобулин через пять дней. Пил йодантипирин. Ничего не помогло! Как-то так. Наверно, конец? Голова болит дико. Глаза не повернуть. А когда на потолок смотрю — вижу там зеленых коней!

Я перевел взгляд на потолок, но на этот раз там никого не было.

— Понятно. Лежите и старайтесь меньше двигаться. Сейчас я распишу вам лечение, и сестра Галина возьмется за вас со всей энергией! Сколько там?

Он вытащил градусник у меня из-под рубахи, глянул, встряхнул и отдал медсестре.

— Тридцать девять. Глаза, говорите, болят? Повращайте-ка глазками!

Он поводил перед моим лицом резиновым молоточком с блестящей ручкой.

— Болят. Вообще не могу ими вращать!

— Руки? Ноги? Все чувствуете? Онемение? Ослабление мышц?

— Да пока вроде такого нет!

Я пошевелил пальцами рук и ног, но ничего необычного не заметил. Ослабление мышц? На что он намекает? Меня должен разбить паралич? Какое страшное слово! Уж лучше смерть!

— Ну вот и чудесно. Отдыхайте пока! А то, когда придет сестра Галина, вам станет не до отдыха! Палата у вас хорошая, кроме вас еще трое таких же, как вы, лесников. Или геологов. Уж не знаю — кто вы по профессии? Я найду позже! Кстати, меня зовут Арнольд Борисович Петров, — и он указал на свой бейджик.

Пока доктор говорил со мной, сидя у меня на краю кровати, я несколько раз глянул на него, и когда он уже ушел, понял — что меня в нем смутило. К совершенно классическому еврейскому лицу, манере говорить, имени и отчеству кто-то прилепил фамилию Петров. Забавно! Хотя лично я всегда больше доверял строителям — таджикам, автопроизводителям — англичанам и врачам — евреям.

Примерно через час окончательно рассвело. Но прежде чем я смог разглядеть палату — в нее вошла сестра Галина. Я сразу понял, что это она. Я услышал ее еще тогда, когда она шла по коридору первого этажа! Не знаю почему, но многие женщины при ходьбе топают, как слоны. Какую бы обувь они ни надели, с какой бы скоростью ни шли — их топот перекроет топот взвода солдат в подкованных сапогах! Если такая дама попадает к вам в соседки этажом выше — это беда! Не будешь же постоянно стучать по трубе и орать среди ночи: «Перестаньте топать!» Ведь она не специально топает! Она так ходит! Замечание не сделаешь! Не летать же ей в конце концов по квартире! И если уж такой даме доведется идти по длинному больничному коридору с бетонным полом — это слышит весь этаж!

Когда она вошла в палату, то тут же включила общий свет и подошла ко мне. Люди, лежащие на кроватях, отреагировали на вспышку очень вяло. Один отвернулся к стене, другой натянул одеяло на лицо, остальные даже не пошевелились. Я отметил, что коек в палате семь, и та, что рядом со мной — пуста и не заправлена.

Роста сестра Галина была среднего, возраста среднего, телосложения среднего и смуглым лицом походила скорее на турчанку, чем на русскую. Из-под белого колпака на голове выбивались черные проволочные кудряшки. В правой руке она держала капельницу на такой же вешалке, что я уже видел в приемной. Протопаив к моей кровати, она глянула на меня и сообщила:

— Зовите меня — сестра Галина! Закатайте левый рукав! Вас морозит?

Я слегка кивнул и снова закрыл глаза: кивать, как в кабинете у патрона в Новосибирске, и держать открытыми глаза больше пяти секунд подряд теперь было для меня роскошью.

Она расправила мое одеяло, за три секунды засунула его в пододеяльник и накрыла меня до самого подбородка, заметив при этом:

— Вам следует переодеться! Есть что-нибудь домашнее или вам принести халат?

— Кажется, я что-то брал. Не уверен. Тут должен быть пакет.

Я вспомнил про пакет с барсеткой и вдруг понял, что если студент Коля их выпотрошил, пока я валялся без памяти, — меня это не волнует ни одной секунды! Что там ценного? Что вообще может быть ценного во всех барсетках мира! Деньги? Расскажите это тому, у кого голова не болит, а не тому, у кого на одной ноге белый тапок, а бедные антитела в крови бьются с армией вирусов и явно проигрывают бой.

— Ваш пакет и барсетка под кроватью. Потом достанете, а пока полежите спокойно!

Сестра Галина смазала мне сгиб руки спиртом, воткнула в вену иглу, приклеила ее пластырем к коже, отрегулировала подачу лекарства и еще раз приказала:

— Пока я не приду — лежать и не двигаться! Если приспичит по нужде — нажмите эту кнопку! Вам принесут судно. Я приду минут через двадцать.

Я лежал на спине, иногда открывал глаза и смотрел, как в меня по трубочке течет какая-то жидкость. И по мере того, как жидкость в таре убывала, — мне становилось легче! Обручи, сдавливающие голову, понемногу, оборот за оборотом, разжимались. Температура падала, на лбу выступил приятный холодный пот, а в ноги и руки капля по капле начинала поступать теплая кровь.

Как же слаб, оказывается, человек! Как легко его раздавить! Температура поднялась на каких-то три градуса — и человек перестал быть человеком! И не какой-то там абстрактный человек, который где-то в новостях заболел и умер, а я! Я на своей шкуре за какие-то грехи почувствовал — какой я ничтожно слабый! Меня качало в люльке. Кто меня качает? Мама или бабушка? Не надо меня качать! Я уже взрослый! Мне пять лет! Тетя Шура! Не надо меня качать! У меня колясочная болезнь! Я не привык к тому, чтобы меня кто-то качал!

Сестра Галина подошла к моей кровати, выдернула иглу из руки и спросила про самочувствие и судно. Я буркнул ей в ответ что-то нечленораздельное и вновь уснул.

Очнулся я оттого, что кто-то потрепал меня за плечо. Я открыл глаза, глянул на потолок и снова их закрыл. Уже знакомая зелень затопила всю округу, а голова раскалывалась. Лихорадки еще не было, но пальцы ног под одеялом уже предательски остывали. Другая медсестра, обширная блондинка с биркой «Светлана» на большой груди, помогла перевернуться мне на живот, смазала спиртом задницу и ткнула иглой. Я попытался перевернуться обратно.

— Не торопитесь, молодой человек!

Тяжелая Светланина длань прижала меня к сетке, а другая длань всадила еще два укола.

— Поднимаемся, идем обедать, а после обеда не забываем пить таблеточки! — заголосила она привычный речитатив. — Перед обедом сдаем мочу! Сдаем не все! Вот баночки, на них фамилии. Оставьте их потом в коридоре за дверью!

От ее меццо-сопрано мои барабанные перепонки влипли в мозг. Я зажмурился от боли. Она снова повернулась ко мне и так же, не жалея децибелов, пропела:

— Таблеточки я вам на первый раз принесла, а потом берите сами над столом дежурной сестры! Только не перепутайте! Они все подписаны по палатам, именам и фамилиям! Если не можете ходить — я принесу! Если не сможете обедать — скажите. Вам принесут сюда!

Я проглотил горсть таблеток, запил их водой и понял, что анализ я сдать уже могу, а вот обед в себя засунуть — вряд ли. Сходяв в туалет и поставив баночку за дверь, я шагнул в палату.

— Молодой человек! Обедать идем! — хлестанула меня по ушам Светлана.

«Наверняка сдавала экзамены в институт искусств на вокал, но судьба развернулась не тем местом!» — подумал я, морщась от резких движений барабанной перепонки и ударов молоточков по улитке через стремя и наковальню.

— Спасибо, но у меня температура поднимается. Мне бы еще попить, а есть я просто не могу! Все равно все вырвет потом.

— Вам надо хоть немножко покушать, а то таблетки на голодный желудок пить не следует! Вася! Пойдешь из столовой — захвати своему новому товарищу хлеба кусок! Он на обед не идет.

— Хорошо, Светик! — ответил здоровенный Вася, проходя мимо меня, потом повернулся ко мне: — Энцефалит? Ну, рад знакомству! Я тоже энцефалит. Хлеба только принести или может каши? Тут кашка очень вкусная!

— Сергей! — представился я. — Нет, кашу не надо! Я и хлеб-то вряд ли съем. Температура под сорок. Попить бы!

— Ну тогда хлеб и два стакана компоту принесу. Тут компот вкусный! Я две недели назад тоже ничего есть не мог. А теперь — только дай! Выздоровеешь, не ссы!

— Ага, спасибо!

Я через силу улыбнулся и снова упал на кровать.

Нынешние уколы не действовали так очевидно, как капельница или дибазол с папаверином, а от горсти таблеток меня и вовсе замутило. Хотелось пить, снова начался озноб, и, когда Вася пришел из столовой и принес мне компот и хлеб, я не смог даже сесть, чтобы попить. Вася, почти двухметровый мужик лет сорока, усадил меня на кровати и подержал стакан, пока я трясущимся ртом пил компот, стуча зубами о стекло. Откусил кусочек хлеба и еле проглотил.

— Сейчас я, кажется, вырублюсь! — сообщил я Васе.

Тот сходил к дежурной медсестре, и через десять минут около меня возник Арнольд Борисович. Он смотрел мне в глаза, мерил температуру, щупал лоб, потом вздохнул и сообщил медсестре:

— Один укольчик еще сделаем. Собьем температуру. Сорок один — это, знаете ли, многовато для живого организма! Но потом до вечерней капельницы — ничего! Слышали? Голубчик, а вы меня слышали? Ваш организм борется с инфекцией, потому и температура. Сбивать ее постоянно — только вредить.

Я его слышал. Слышал его голос, который звучал, как орган: раскатисто и благозвучно, но смысла понять не мог. С закрытыми глазами я подергал головой и свернулся в клубок, чтобы было не так холодно. Потом Светик сделала мне укол, который помог мне часа примерно на два. Я допил компот и то ли забылся сном, то ли бредил наяву.

Мелькали перед глазами какие-то округлые образы людей и предметов, которые я хорошо знал, но не мог вспомнить — что это или кто это? И как только я пытался схватить этот образ — он кругло ускользал у меня из рук, а выше или ниже возникал новый. Потом я летал на этом круглом образе какого-то предмета над Овинным, а Юля далеко внизу махала мне рукой и обещала позвонить.

После укола я даже распрямылся под одеялом и какое-то время лежал ровно, ощущая только боль в суставах и икроножных мышцах, но вскоре тяжелая телега температуры снова накатила, и я пытался оттолкнуть ее, но левая рука плохо слушалась, а левая нога все время скользила, не находя опоры. Несколько раз я открывал глаза и смотрел в потолок.

Ничего нового! Оказывается, даже к бреду можно привыкнуть! Зеленые кони на фоне красного закатного неба мчали меня мимо моего окна на пятнадцатом этаже, и я понимал, что окна палаты тоже выходят на запад и сейчас закат. Понимал, что никуда не лечу, а лежу на продавленной койке, на которой до меня сорок человек умерло. Но все равно летел в пространстве так быстро, что от ветра замерзал нос, и мне приходилось укрываться одеялом с головой и трястись там, стуча зубами на вдохе и на выдохе.

Вечером сестра Галина снова сделала мне капельницу. Начало этой процедуры я помнил смутно. Помню, что с моей головы стащили одеяло и засунули под мышку что-то ледяное. Потом укол в задницу, потом игла в вену — и когда половина жидкости перетекла из прозрачного пакетика в меня — я выпал из комы и смог открыть глаза.

Капельница меня снова спасала! Я влюбился в нее! Я жить без нее не мог! Когда сестра Галина пришла, чтобы забрать штатив, я довольно бодрым голосом поинтересовался — нельзя ли ставить мне это чудо не два раза в сутки, а четыре. Иначе эта температура меня в гроб загонит!

— У вас почки не казенные, молодой человек! Вы слышали, что доктор сказал? — ответила она и зацокала к другому пациенту.

Я сел на кровати. Голова слегка упала набок, но иначе почему-то не держалась. Осмотрелся. Капельницы стояли еще у двух горемык: давешнего Васи и в дальнем углу палаты. Насколько я мог рассмотреть — там лежал совсем еще мальчишка лет шестнадцати и тоже метался в горячке. Васина кровать стояла напротив моей, поэтому мы с ним лежали ногами друг к другу. Заметив, что я сел и осматриваю палату, Вася, тоже освободившись от иголки в вене, пояснил:

— Тут нас таких трое. Ну, с клещами. Я, ты и Петька. Мне скоро домой. Почти отстрадался. Одну капельницу в два дня уже делают. А Петька за день до тебя попал. Так что вы вместе сейчас на сестру Галину молитесь будете. Она баптистка, так что денег не берет. Честная — аж противно. Ты как отсюда выберешься — в ее дом молитвы пожертвования сделай! Сколько сможешь. Говорят, она туда десять процентов от каждой своей зарплаты отстегивает.

— Сразу видно — давно тут обитаешь! — улыбнулся я. — Свой парень уже.

— Три недели как с куста. Ездили за маралом в верховья Маны. Там весной клещей вообще прорва, а осенью почти нет. И главное — одеты были как положено! Так он, зараза, меня за ухом тяпнул. Скрючило на двадцать первый день. Обидно! А ты где такую радость подцепил?

— В Овинном. Рядом с деревней.

— Знаю, бывал там. Их сейчас везде полно развелось. В парках уже ловят в центре города!

Пришел из столовой пожилой бородатый мужичок и лег через койку от меня. Полежал пять минут, достал из холодильника пакет с бутербродами, вернулся на кровать и стал задумчиво жевать. Поел, помыл руки в раковине и снова лег.

Теперь я окончательно уяснил диспозицию палаты: семь коек. Четыре — вдоль уличной стены с тремя большими окошками и радиаторами отопления под ними, три — вдоль внутренней. В дальнем конце палаты — умывальник, около двери — холодильник. Одна койка, что около меня, свободная. На дальней, напротив Петьки, лежал какой-то огромный дядька с раздувшимся животом. Около

него на полу стояло судно. Кровать ближе к дверям занимал средних лет дядька. Возможно, что лет ему было приблизительно как мне, но выглядел он старше меня лет на пятнадцать. Темная морщинистая кожа и мешки под глазами однозначно свидетельствовали, что за здоровьем своим он, мягко говоря, не следил. Он глянул на меня, равнодушно перевел глаза на пейзаж за окном и сказал мне с хрипотцой:

— Чуй, зёма, ты тут надолго очко припарковал! Как и я. Накрылись наши с тобой судьбы красной шляпой. Скорешки на беленькую!

Я тупо посмотрел на доходягу и не нашелся что ответить. Потом собрался с силами, сходил в туалет, спустился на первый этаж и купил в буфете шоколадку и минералку. Есть совершенно не хотелось, но я понимал, что совсем без еды станет только хуже. Два часа после капельницы я чувствовал себя почти человеком. Было только странно, что голова несколько съехала набок, а левая рука выронила бутылку минералки, когда я поднимался по лестнице. И левая нога постоянно натывалась на ступеньки, словно под ней они были выше, чем под правой.

Съев половину шоколадки, я вернулся в палату. По дороге осмотрел коридор и обнаружил, что около дежурного поста медсестры в холле стоит старенький телевизор, а на диване и стульях сидят мужчины и женщины в больничных халатах и выцветших спортивных костюмах, в тапочках на босу ногу. Женщины были не накрашены, мужчины выглядели как американские безработные конца двадцатых годов, и никого это тут не волновало. Одна девушка была очень даже себе ничего, но это я отметил чисто по привычке, мельком, и понял, что мне сейчас не надо никого: ни Юлю, ни Настю, ни мисс мира. И, возможно, не надо будет уже никогда.

— У тебя там телефон надрывается! — сказал Вася и снова уткнулся в электронную книгу.

Телефон! Работа! Шеф! Я же никому не позвонил! Вся прошлая жизнь словно испарилась из моего мозга и только сейчас я вспомнил о ней. Но лихорадка снова накатывала. Я кое-как вытащил телефон из барсетки, что так и валялась под кроватью, глянул на количество пропущенных звонков — сорок один — и ткнул пальцем в имя шефа. Иван Николаевич ответил сразу. Если бы он не поднял трубку после трех гудков — я бы, наверно, не смог дольше держать аппарат у уха: силы кончались.

— Иван Николаевич! Я в больнице. В неврологии. У меня клещевой энцефалит.

В трубке пять секунд помолчали, переваривая, потом шеф буркнул:

— И что, работать не сможешь?

— Я стоять-то не могу! Температура — сорок. Капельницы ставят, уколы.

— И надолго ты там? — Иван Николаевич отказывался понимать, как можно из-за какой-то болезни перестать работать!

— Пока точно не знаю. Ну вот тут один товарищ лежит уже три недели, — поникшим голосом сообщил я и понял, что больше не могу держать телефон и перестаю понимать, кто и что мне говорит.

— Сходи на старый Новый год к тете Шуре! — сказал шеф бабушкиным голосом. — Я этот праздник никогда не праздновала, а она празднует. Если хочешь — сходи! Мой праздник — День металлурга.

— Новый год еще не скоро! — возразил я. — Давай я к ней схожу завтра? Только я давно у нее не был и забыл адрес. Придется ехать на конях! У меня есть кони. Правда они зеленые, но без пробега и стоят на стоянке за домом. И за стоянку я заплатил только за неделю.

Я побежал по снегу. Ногам было очень холодно, но вскоре меня подхватили зеленые кони и понесли в темноту. А за нами гнался огромный клещ по имени Иван Николаевич. И я начал орать на коней, чтобы скакали быстрее, но клещ нас

догнал и снова впился мне в мозг. Я лишь успел ударить его один раз левой рукой, но настолько слабо, что он этого даже не почувствовал.

— Ну вот и началось! — сказал кто-то рядом с моей кроватью.

Я разлепил глаза и прошептал:

— Пить!

Светлана подняла мою голову, и я высосал один за другим два стакана минералки. Потом увидел, что к моей руке подключена капельница и почувствовал, что лед на правой ноге уже растаял, а вот левая нога так и осталась холодной. И еще я не чувствовал левую руку. «Видимо, левая сторона затекла от неудобного лежания! Дома кровать лучше!» — подумал я лениво.

Когда капельницу убрали, я попробовал приподняться, но у меня ничего не получилось. Я заметил, что мой лечащий врач Арнольд Борисович стоит в дальнем углу палаты около кровати толстого дядьки и что-то обсуждает с еще двумя Арнольдами Борисовичами. Значит, у меня начинает трюиться в глазах!

Дядька, живот которого торчал на полметра выше носа, был закрыт одеялом с головой и не думал просыпаться. В палате было почти темно, лишь горели ночники у меня, Васи и у того толстого дядьки. Я увидел, что Вася сидит на кровати, поджав ноги, и с тревогой смотрит на меня. Пока я с трудом отходил от ночного бреда, в палату вошли два дюжих парня и закатили каталку. Они подкатали ее к кровати толстяка, взяли того за руки и за ноги, перебросили на каталку, закрыли простыней и вперед ногами выкатили из палаты. По длинному ночному коридору еще долго раздавался противный писк резиновых колес. Потом лязгнули двери грузового лифта и все стихло.

Врачи перешли к моей кровати. Оказывается, это были не одинаковые Арнольды Борисовичи, а разные. Втроем они взялись осматривать и ощупывать меня. Один попросил высунуть язык как можно дальше. Другой наставил на меня две руки словно пистолеты: указательный и большой пальцы вперед, остальные сжаты в кулак, и попросил сдавить их что есть сил. Я взялся за его пистолеты руками, надавил и понял, что правой рукой давяю нормально, а левая почти не работает. Я крепче обхватил левой рукой пару его пальцев и приказал руке сдавить что есть сил! Но мой приказ потерялся где-то на уровне локтя, так что до кисти дошло процентов двадцать того, что было раньше.

— Прекрасно! Прекрасно! Классический случай! Завтра или послезавтра у меня будут студенты. Обязательно приведу их сюда! Ложитесь, молодой человек!

Я лег. Кто-то из врачей потыкал мне иголкой в пятку правой ноги.

— Что-нибудь чувствуете?

— Да! — ответил я.

— А теперь?

— Нет!

Я сообразил, что они тыкали мне иголкой в левую пятку. С тем же успехом они могли вырвать мне любой ноготь на выбор! До меня уже дошел весь ужас случившегося, но я был слишком слаб, чтобы орать или плакать. Я просто попросил Свету довести меня до туалета. Там я посмотрел на свое отражение и все понял окончательно.

Левый уголок рта съехал на сантиметр ниже обычного, левый глаз тоже выглядел как-то странно. Видимо, он стал немного круглее правого. Я придвинулся к зеркалу вплотную и высунул язык так, как это только что просил сделать меня доктор. Кончик языка ушел в сторону. Мозгами я четко понимал, что язык держу абсолютно прямо, но зеркало мне показывало, что это не так. На меня смотрело совершенное чужое уродливое лицо. Я вышел из туалета, добрал до койки и за-

брался под одеяло. И понял, что не уверен — какой исход для меня теперь предпочтительнее: выздороветь или умереть, как тот толстяк.

— Здорово тебя прижало, видеть! — заметил Вася, с сочувствием глядя на меня из угла. — А этот армянин все ж таки помер. Толстые да высокие — первые кандидаты на тот свет!

— А что с ним было? — спросил я и понял, что мне совершенно неинтересно то, что было с тем человеком.

— Инсульт! Один с неделю как помер вот на этой койке, что рядом с твоей. Такой же комплекции был мужик. Метр девяносто, вес под сто пятьдесят. Сосуд в башке — хрясь! Два дня — и готов Иван Пузырьков. А вон тот дед, — Вася показал в сторону бородатого, — ведь тоже с инсультом, а уже курить бегаёт и телевизор смотрит. Говорить ещё почти не может, но ведь вылезет! Щуплый потому что, маленький. А с такими габаритами — сразу каюк! Хорошо что я не толстый!

За нашим разговором и действиями санитаров и врачей следил Петька и тот мужичок с помятым лицом. Петька был в шоке, оттого что рядом с ним умер человек, но его собственная болячка не давала ему много думать о чужих проблемах. У него тоже был сильный жар, и ему ставили капельницы так же, как и мне. Сейчас он сидел на кровати и потирал руками лицо, приходя в себя после приступа. Но у него не было паралича! А меня разбил паралич! Меня! В тридцать три года! Кондратий! Господи! За что?!

Я залез под одеяло с головой. Мысли быстро перепутались, и я даже с каким-то удовольствием через некоторое время забылся без кошмаров, понимая, что это ненадолго. Так и оказалось.

На другой день — число я пытался вспомнить, но не смог — я очнулся перед тем, как сестра Галина воткнула в меня иглу, а Светлана, тоже, в принципе, сестра, поставила мне в задницу три укола. После этих процедур моя голова на какое-то время прояснилась, я сходил в туалет, умылся и глянул в зеркало.

Чужое лицо. Пожелтевшее, изможденное, с трехдневной щетиной и черными кругами под глазами, с перекошенным ртом и косым глазом. Взъерошенные волосы слиплись на лбу, голова завалена влево. Я вновь показал себе язык и еще раз убедился: прямо он вылезать не хочет и постоянно загибается в сторону. Если такое чудовище я бы встретил на улице пару недель назад, то сморщил бы нос, сплюнул и постарался забыть побыстрее. Если бы такой удар произошел со мной за пять минут — моя психика, наверное, не выдержала бы, и я бы просто сошел с ума. Но произошло это именно со мной. И эти несколько дней мучений подготовили мозг к тому, что я увидел в зеркале. Мне было жутко, обидно, но не неожиданно, а, скорее, ожидаемо.

После пятиминутной прогулки я в изнеможении прилег на кровать и понял, что правое полушарие опухло от уколов и жутко болит. Сестра Светлана колола туда, где ближе, поэтому все уколы пришлись на правую сторону.

— Вася, ты, как старожил, что можешь подсказать, чтобы не так сильно болело это место? — обратился я к Васе, указывая на свою задницу.

Тот выглядел уже бодрячком, просил доктора быстрее его выписать, но вчера сестра Галина взяла у него в очередной раз кровь из вены на анализ, и до получения результатов выписки исключалась.

— Грелку надо горячую приложить и, пока не рассосется, колоть в другую булку. Мне этих уколов в свое время наставили — жуть. Когда я в Норильске работал — два раза воспалением легких болел. Потом перевели сюда. И опять на игле сижу! Судьба такая!

— В Норильске у меня отец живет. На заводе работает. Может, ты с ним пересякся? — я назвал ему фамилию отца.

— Не, не знаю такого. Город-то немаленький. Я там дознавателем работал в пожарной части. Потом за одно дело майора дали и перевели в столицу. Знал бы, что такое случится, еще бы подумал: стоит ли перерезать. Там-то клещей нет. А тут поехали с мужиками по марала — и привет!

— Расскажите, за что вам майора дали?! — поинтересовался Петька.

У него так же, как и у меня, после капельницы отлегло, и он старался если не стоять, то хотя бы сидеть, чтобы не налегать пролежни и хоть немного пошевелиться. В нем было сто восемьдесят сантиметров роста и шестьдесят кило веса. Он был одет в синие семейные трусы и линялую майку, поэтому для выхода в коридор надевал махровый больничный, выдавший виды халат и сильно смахивал на туберкулезника.

— Пожар случился в хате одной. Выезжаем на место происшествия, разгребаем угольки и находим труп. Никаких следов насильственной смерти, двери закрыты изнутри. По всем показаниям — несчастный случай. А мне как-то подозрительно показалось, что все полыхнуло так резко: кухня выгорела просто в пепел. Все решили, что он бензин переливал из бочки в бочку, и тот вдруг взорвался. Да, бочки тут же стоят. Вроде все так, но что-то не так.

Выясняем личность: только с кичи мужик откинулся. Пятнадцать лет отсидел. А посадили его по наводке его поделщика. Они ювелирный магазин подломили и охранника искалечили. Тот инвалидом остался. Ну вот покойнику дали пятнадцать, а тому, кто раскололся, — шесть. И думаю — дай-ка проверю того, второго. Подаю запрос и получаю ответ: исчез болезный пару дней назад! А труп-то не опознать: кусок жженого мяса в позе боксера.

Я давай в этом мясе ковыряться. И нахожу малюю-юсенькую дырочку около левой ключицы. Из нее вроде как бульон брызгал от температуры, когда он жарился. Вот эти брызги я и отыскал. Выяснили, что бедолагу двое держали, а третий сверху вниз в сердце ему вязальную спицу захреначил. Даю ментам свои выводы — и они за два дня берут всю троицу. Мне — майора кидают, ментам премию дают, и через месяц меня переводят в Красноярск. В деньгах, правда, проиграл, тут таких северных надбавок нет, зато в здоровье выиграл для себя и для жены с дочерью. И знаешь, на какой фронт меня тут сразу кидают? На противопожарную безопасность учреждений здравоохранения! Поэтому могу вас заверить: уж если мы тут и помрем, то уж точно не от пожара: я лично по всем корпусам этой больницы все крыши облазил и все стропила спецраствором измазал. Все прошлое лето на это убили. Зато теперь там хоть бензином поливай — ничего не загорится! Все бы ничего, но свою мечту я так и не осуществил! В Норильске могла она осуществиться, а тут уже никак!

— Что за мечта? — подал замороженный голос Петя.

— Бросить гранату противотанковую! Много было в жизни. А противотанковую гранату так и не кинул! А тут где ее кинешь?

Я вспомнил про свою мечту в виде унитаза с электронным управлением и понял, что мой масштаб сопоставим с Васиным так же, как футбольный мяч с земным шаром.

— А я ниче не помню! — вдруг подал голос мужик, чья кровать стояла около холодильника и который мне показался алкашом. — Вот интересно! Детство помню. В двадцать лет что было — помню. А потом как-то все урывками, урывками, и теперь даже не помню — как меня зовут и где живу. Говорят, что в каком-то магазине меня отловили и сюда привезли. Документов нет. Была водяра с собой. Отобрали. Это помню. Родня ищет, поди. Вроде помню, что жена есть. Или нету? Эх, мля...

Он вздохнул, выматерился и повернулся на другой бок. Его кровать была не такая продавленная, как моя, поэтому он мог без проблем лежать на боку. Везет!

Его история дошла до меня не сразу, но вскоре я ужаснулся его состоянию. И подумал, что как бы плохо кому-то ни было — всегда найдется тот, кому еще хуже! Что же должно случиться с мозгами, если не помнишь про себя почти ничего? Надеюсь, это у него не от клеща? Мне еще такой беды не хватало!

По коридору проскакала Светлана, и я спросил у нее грелку для согревания задницы. Она всплеснула руками, на секунду задумалась, потом прошла по коридору в обратном направлении, зычно собирая по палатам ненужные грелки, и пришла ко мне с пятью разноцветными грелками на выбор. Набрала в одну горячую воду из нашего комнатного умывальника и подала мне.

Впервые в моей взрослой жизни женщина так спокойно реагировала на мою задницу, и впервые я так спокойно к этому относился. Я тоже превратился в бесполого больного, цель которого — просто выжить. Потом я спросил у нее — как мне побороть кровать и сделать так, чтобы я не шоркал копчиком о линолеум? Светик позвала меня с собой и выдала мне из нижнего ящика своего дежурного стола рожковый ключ семнадцать на девятнадцать, сообщив, что мужчины борются с кроватями при помощи вот этого ключа, но как — она не знает.

Ее вызвали в другую палату по соседству с нашей, и я успел увидеть, что в ней лежат женщины. Когда я проходил мимо, из палаты вышла та симпатяжка, что давеча смотрела телевизор. Она мельком глянула на меня, слегка кивнула головой, прошептала что-то, чего я не расслышал, и какой-то неестественной для ее юного возраста старушечьей походкой прошаркала в столовую.

Я занес было ключ над кроватью, но понял, что гайки, с помощью которых натягивается сетка, затянуты до упора. Этой кровати уже ничто не могло помочь. Я глянул на соседнюю кровать. Там сетка выглядела попримичнее. Проверил ее гайки. На резьбе еще оставался зазор сантиметра три. Я затянул их до упора, а когда вылез из-под кровати, то увидел рядом Васю, готового к помощи. Вдвоем мы поменяли кровати местами. То, что на новой кровати несколько дней назад умер от инсульта какой-то высокий толстый мужик — меня почему-то нисколько не волновало.

Волновало меня другое: левой рукой я не смог сделать ключом даже половину оборота. Ключ выпал из пальцев, и пришлось обе гайки крутить правой. Хорошо, что я правша! Иначе было бы совсем тяжело. Хорошо, что парализовало левую сторону, а не правую. Хорошо что парализовало... Боже, что с моим мозгом?

Измотанный, словно сбегал на «Столбы» и обратно, я лег на новую кровать, прижал грелку к синеющим шишкам на заднице и почувствовал, что мне стало гораздо лучше. И лежать, и вообще. Начинался озноб, но он уже не вгонял в кому и дикий бред. Я закрыл глаза и услышал женский и детский голоса. Решил, что это снова начинаются галлюцинации и приготовился прокатиться на своем зеленом коне, но, приоткрыв один глаз, понял, что это к Василию пришли жена с дочкой лет восьми. Жена села на его кровать спиной ко мне, но даже по ее спине я понял, что она очень красива. Дочь долго теребила папу всякими вопросами, а потом вдруг подошла ко мне и спросила:

— А к тебе доча когда придет?

— У меня нет дочи, — тихо пробормотал я и понял, что мне от этого стыдно.

— У тебя нет дочи? — притворно ахнула пигалица и покачала головой. — Как же можно жить без дочи? А кто тебя будит по утрам? Мама? А где твоя доча? Умерла?

Я хотел было пуститься в разные объяснения, но вдруг понял, что ничего не могу сказать. Какой-то ком застрял в горле, а из глаз потекли слезы.

— Ты плачешь? Тебе жалко твою дочу? — спросила юная артистка, нахмурившись, но мама оттащила девочку от меня, выговаривая за некультурное поведение.

Мама и впрямь была красавица, и я позавидовал Васе: бывают же такие бабы! Красивые, умные и верные! А вот ко мне действительно вряд ли кто придет. Ни жены, ни дочери. А уж чтобы кто-то пришел с работы — об этом можно даже не мечтать. Кто же в этом виноват?

Вскоре появился Арнольд Борисович Петров. Его сопровождал один из двух докторов, что вчера ночью стояли около умершего толстяка. А этого доктора в свою очередь сопровождало человек пятнадцать студентов. Вели они себя настолько тихо, что не открой я глаза — так бы и думал, что лежу в пустой палате. Я впервые видел столько людей сразу, которые не производили вокруг себя абсолютно никакого шума! Три десятка глаз смотрели на мою перекошенную морду. В глазах молодых парней и девчонок читался неподдельный интерес.

— Извините за беспокойство, голубчик! — пролил мед в реку молчания мой лечащий врач. — Позвольте вас еще раз осмотреть, а мои будущие коллеги за этим понаблюдают!

Я сел на кровати. Впервые с того момента, как я переступил порог этого заведения, я не вырубился через два часа после капельницы. На голову словно было надето ведро, звуки долетали откуда-то очень издалека, но я был в сознании, а температура, которую я постоянно мерил уже своим электронным градусником, не поднялась выше тридцати девяти.

— Перед нами больной клещевым энцефалитом, — запел Арнольд Борисович, попутно тыкая мне иголкой в обе пятки, заставляя сжимать двумя руками по два наставленных на меня пальца каждому из его будущих коллег и указывая на мою заваленную голову и кривой язык.

— Из трех категорий — средней тяжести, тяжелой и крайне тяжелой — эта стадия тяжелая. Несмотря на то что была сделана прививка гамма-глобулина, правда — лишь на пятые сутки, вирулентность вируса и иммунитет данного конкретного организма дали вот такую реакцию. У больного на третьи сутки после госпитализации развился паралич левой стороны, что характеризуется синдромом свисания головы и потерей чувствительности и частично — моторики. В дальнейшем возможен паралич Ландри. Кто помнит — что это?

— Восходящий паралич Ландри характеризуется развитием паралича сначала нижних, а потом и верхних конечностей, а далее — мышц грудной клетки и лица, что приводит к летальному исходу! — как по писаному отпартовала какая-то бойкая студентка, с восхищением глядя на мой кривой язык.

— Ну херассе вы пацана утешили! — вдруг выдал алкаш из-за спин студентов. — Ты базар-то отфильтровывай!

— Прекрасно! Здесь мы закончили, — не обратив внимания на алкаша, сообщил Петров, — следует только заметить, что если не возникнет новых осложнений в виде той же эпилепсии, то восстановление может занять от полугода до трех лет. В данное время у больного наблюдаются временные галлюцинации, бред и депрессия. Лечение симптоматическое плюс, конечно, преднизолон, дифенгидрамин. Не забываем, что на сульфаниламиды возможны острые аллергические реакции. Подробно лечение мы с вами рассмотрим в моем кабинете. С каждого завтра жду подробный анамнез данного пациента. А теперь давайте посмотрим на ярко выраженный синдром Корсакова! Спасибо, Сергей! Можете прилечь!

Группа повернулась ко мне спинами и перешла к кровати алкаша, а я залез под одеяло и повернулся на правый бок лицом к стене. Мысли с Васиной жены и дочки прыгали к эпилепсии, трем годам лечения и летальному исходу. «Тачку надо продать, если эпилепсия начнется! Хоть за сколько!» — подумал я и понял, что проблема денег, машин и даже баб меня вообще перестала задевать. Оказывается, все это надо только тогда, когда есть здоровье! Случайный укус какой-то вши —

думаешь только об одном: господи! Возьми все! Но сделай так, чтобы я не болел этой кошмарной заразой! Все остальное — просто какой-то мираж. Бабло — вообще навоз. Главное — это здоровье! И я, человек, который не курил, не нюхал, посещал спортзал — оказался на этой свалке тел рядом с каким-то пропившим мозги алкашом! Где справедливость в этом мире?

Серость этого дня к вечеру разбавило еще одно событие. Кроме измерений температуры, уколов, капельниц и посещения столовой, в больнице есть еще несколько стандартных видов убийства времени: четырнадцать часов сна, пара часов просмотра новостей и сериалов по телевизору в холле, чтение книг, травля баек и приход друзей и родственников.

— Сергей, к вам посетитель! — огорошила меня сестра Светлана ближе к вечеру, и в проеме двери я разглядел роговую оправу Татьяны Даниловны.

— Лежи-лежи! — положила она руку мне на грудь, видя мою попытку сесть.

Состояние в тот момент у меня было так себе. Температура упала до тридцати семи с половиной, но мысль о том, что меня в таком виде увидит человек из нормального, того, здорового мира, повергла меня в панику и ужас. Я не знал: то ли мне закрыть лицо, чтобы она не видела моего скошенного рта, то ли отвернуться, то ли уж сесть или даже пройти перед ней, подволакивая ногу, чтобы она поняла, что я не придуриваюсь, а вправду болен.

— Сергей, наш коллектив передает тебе привет и желает быстреешего выздоровления! — сухо сообщила мне секретарша. — Это тебе от всех нас. Иван Николаевич пока будет платить тебе белую по-среднему. Если что — звони. Выздоровливай!

Она положила мне на живот увесистый пакет, пожала руку и вышла. Я не успел сказать ни слова! Было слышно, как она в коридоре о чем-то еще довольно долго говорила с врачом, и расслышал, как они с доктором несколько раз повторили какую-то загадочную аббревиатуру «РНК». Потом все стихло. Я сел и заглянул в пакет. Штук десять разных шоколадок, банка кофе, несколько огромных красных яблок и толстая потрепанная книга. Я достал книгу и прочитал на обложке: Федор Михайлович Достоевский. «Преступление и наказание».

— Суки! — в сердцах прошипел я. — Это типа — смешно? Вот же суки!

Я уткнулся лицом в подушку и подумал: а хорошо бы сейчас снова улететь в черноту и холод на зеленых конях!

Ночью мне снова стало хуже. Накаркал! Я проваливался в забытье, и тогда появлялся Иван Николаевич, который злобно улыбался и крутил у меня перед носом томиком Достоевского:

— Прочитай! Тебе будет очень познавательно! Одно название чего стоит!

— Почему именно мне это будет познавательно — не объясните?

Даже в бреде я беседовал с шефом, обдумывая каждое слово.

— Потому что ты подонок! — рубил шеф. — Тебе тридцать три года, а у тебя дочи нет! Ты на хер не нужен никому! Ни богу свечка, ни черту кочерга! Сдохнешь — кто заплачет? Никто! Парализует — кто жопу тебе подмывать будет? Чтоб ты жил на одну зарплату!

И я молчал уже не потому, что боялся спорить, а потому что ответить было нечего. А шеф все тыкал и тыкал мне в нос книгой, грозясь прислать еще и «Идиота», раз я не умею извлекать уроки из тяжелых жизненных ситуаций.

Шестнадцатого сентября я наконец осознал, какое нынче число. Мой телефон стал подавать сигналы бедствия, я включил его на подзарядку и тогда понял, что сегодня — шестнадцатое сентября. Это мало что меняло, но, по крайней мере, я

ощутил себя на шкале времени. Весь день я чувствовал себя вполне себе терпимо, но к вечеру шестнадцатого мне снова стало хуже, причём резко. Ещё утром доктор, пробежав глазами мою историю болезни, предупредил меня о двугорбом графике подъема температуры и о том, чтобы я заранее съел шоколадку: сегодня такой день, что возможно всякое.

Ноздря в ноздю со мной шел Петька. Ночами он начинал стонать и нести всякую чушь, и та часть палаты, что температурой и интоксикацией не страдала, вздыхала, ворочалась с боку на бок и накрывала уши подушками. Иногда, в часы просветления после капельницы, мы с ним обменивались парой-тройкой фраз и даже сходили в душ смыть вонючий пот.

Он оказался из Бархатово. Из родни у него остался только старший брат, который сейчас убирает урожай на своем огороде и приехать попроведать не может. От парня остался один скелет. Есть он не мог вообще, только пил воду и иногда компот. От всего остального его тут же рвало прямо на пол, и сестра Светлана вскоре поставила ему под кровать тазик. Я спросил, будет ли он шоколад или яблоко, и отдал ему одну большую шоколадку из тех, что привезла мне Даниловна. Вечером шестнадцатого мы с Петькой почти синхронно начали умирать, и я вдруг осознал, что больше этой пытки не выдержу.

Недельная жара высосала из организма все, и я, прежде чем лечь, посмотрел в окно на красивый закат. Конечно, это был не пейзаж с небоскреба, к которому я так привык, и рядом лежала не голая баба с третьим размером, а беспамятный алкаш, неговорящий дед, почти здоровый Вася и умирающий мальчик Петя. Но это был последний вечер в моей жизни. Я понял это абсолютно четко. И стало обидно, что сдохну я как подонок. Без дочи. Без сына. Никому ничего хорошего не сделавший, а только завидующий всем, у кого на три копейки больше. И шансов сделать что-то хорошее больше нет. Я их все профукал! Тридцать три года псу под хвост! И ничего уже не вернешь и не поправишь. Что прожил — все зря! Подонок! Так напишут на надгробии. А кто напишет-то? Даже такую дрянь написать некому!

Впервые в жизни я злился из-за своих неприятностей не на кого-то, а на себя. Знать бы, что так случится, — что бы я изменил в жизни? Женился бы на той однокурснице? Или потом на этой, как там ее, из магазина? Или не разговаривал бы на работе с работягами и механиками так по-хамски? Не пресмыкался бы перед Вованом? Какая уже теперь разница! Теперь я знаю одно: график температуры — двугорбый. Я кое-как перелез через один горб. И второго мне не одолеть. И Петьке не одолеть.

Кто по жизни болел мало — тот потом болеет тяжело. Вот Вася все время болел, пока жил в Норильске. И теперь выгреб за три недели. Наверно, дети моего отца от второй жены тоже вырастут крепкими ребятами, коли болеют постоянно. Я рос здоровым, а тут нарвался на такого клеща, в котором яда было вдесятеро против обычного. И вот результат. Одно радует: с косой мордой не буду биться в эпилептическом припадке и ждать, когда отомрут сначала ноги, а потом все остальное. Как там этот синдром называется?

— Сергей, вам ваши товарищи достали очень хороший препарат! Называется РНК. Только привезли. Так что радуйтесь! С таким препаратом грех на ноги не встать! Повернитесь, я вам сделаю укол!

Сестра Светлана стояла надо мной с наполненным шприцом, и когда сквозь то ведро, что было надето на мою голову, сквозь всю ту вату, что забила в мои уши, я разобрал — о чем идет речь, то меня словно пнули. Я, если можно так выразиться, подскочил, а вернее, просто поднялся достаточно быстро для человека с частичным параличом и температурой сорок с половиной градусов, показал на Петьку и прохрипел:

— Ему коли!

Лицо Светланы как-то странно дернулась. Она постояла в столбняке несколько секунд, потом наклонилась мне к уху и прошептала:

— Это куплено специально для вас вашими коллегами по работе! Вы знаете — сколько стоит этот препарат?

И она назвала сумму, сравнимую с ценой моего смартфона.

— Ему коли! — повторил я еще раз, указывая в дальний конец палаты, где начинал метаться в бреду Петька.

Светик развернулась через левое плечо, подошла к Петьке и всадила ему укол. Тот даже не охнул. Вернее — продолжал охать и стонать, как обычно он это делал в бреду. Светик вернулась ко мне и так же тихо сообщила:

— В упаковке шесть ампул. Это полный курс. В принципе, каждый укол — это очень хорошо, но в идеале нужен полный курс. Давайте я разделю вам по три ампулы каждому? Так вас устроит?

— Базара нет!

Я упал на койку и через минуту сестра уколола и меня.

Прежде чем выскочить из реальности, я испытал чувство горького разочарования: ампула оказалась не единственная! Их целых шесть! Ну ладно хоть так! Не герой, но уже не подонок. Поехали, зеленые!

Семнадцатого сентября я проснулся и первого кого увидел — конечно же, сестру Галину, которая с шести утра начинала цокать по коридору подковами, растаскивая штативы с капельницами и около половины седьмого добираясь до нашей палаты номер двести два. Первой у нее в графике стояла женская палата номер двести один. Она втыкала иглы в наши вены с такой скоростью и с таким проворством, что за неделю лежания в больнице я начал получать от капельницы еще и эстетическое удовольствие. Когда раствор в емкости заканчивался, наши четыре капельницы из нас выдергивал Василий и относил штативы в процедурный кабинет. Мы зажимали дырки на сгибе руки заранее приготовленной проспиртованной ваткой, сгибали руку в локте и через десять минут выкидывали чуть окровавленную ватку в мусорное ведро.

Второго, кого я увидел — это нового соседа по палате, которого, пока я спал, положили на соседнюю со мной бывшую мою койку. Это был культурного вида скуластый седой мужчина в годах. Его ухоженная седая окладистая борода и аккуратный ежик таких же седых волос наводили на мысль об академическом образовании и достатке гораздо выше среднего. Мы встретились с ним глазами, и я сразу понял: наш товарищ! Он глянул на меня снулым взглядом, кивнул, как бы здороваясь, и закрыл глаза. В него в этот момент еще вливалась капельница, а из меня Василий иглу уже извлек.

Петя встал, натянул халат и подался в сторону туалета. Сестры бегали по коридору, собирали с нас кровь, мочу, кал, делали уколы. Я сел и почувствовал, что вата в ушах осталась, а вот ведро с головы уже сняли. Температура тридцать семь и восемь — это вообще ни о чем после сорока одного и трех десятых в какую-то из ночей. Я почувствовал, что мы прорвались. По крайней мере, сегодня я не сдох. Таинственная РНК спасла меня и, похоже, Петьку тоже. Через десять минут вернулся Петя, подошел ко мне и протянул руку:

— Спасибо! Не ожидал! Я вам потом все отдам обязательно! Мне сестра сказала, что вы мне отдали свою дозу лекарства! Спасибо! Вы... Я думал — все!

Он зашмыгал носом, вытер глаза краем халата и вдруг в голос разревелся.

— Петруха, завязывай!

Я сам чуть не заревел от такой реакции пацана, а тут еще Вася, услышав наш разговор, подошел и тоже пожал мне руку:

— Слушай, ну ты герой! Практически спас человека ценой собственной жизни! Ты кем работаешь? Давай мы тебе на работу бумагу напишем и расскажем о твоём поступке! В телевиденье зарядим! Страна должна знать героев в лицо! Лицо у тебя, правда, пока не очень героическое, но ты нос не вешай — и все будет ништяк!

— Не! На моей работе это не оценят. Это вы, эмчээсники, понимаете толк в таких поступках. А у нас еще и втык могут дать. Спасибо на добром слове!

— Это где ж ты работаешь? Что за заведение, где за спасение человека втык дают? Похоронное бюро? — поинтересовался майор.

— Менеджером среднего звена на предприятии под названием Россия! — грустно ответил я.

— Ну, братец, я тоже на этом предприятии работаю! И ничего плохого про Россию сказать не могу! — возмутился Вася.

— У нас с тобой просто России разные! Акционеры «Газпрома» тоже от России без ума!

Поспорить нам не пришлось: Васю в девять утра выписывали. Пришел его хитрый анализ крови, в котором было подсчитано количество той дряни, что теперь плавает в нем и будет плавать там пожизненно.

— В этом есть свой плюс! — обрадовался майор, когда кто-то ему сказал, что теперь он привит от энцефалита на всю жизнь. — Получается — теперь можно клещей хватать и не бояться? Красота! Осталось так же привиться от боррелиоза — и ходи хоть голым по тайге! Кстати, в холодильнике осталась маралятина жареная в банке. Вы доедайте! Не домой же тащить хавчик из больницы!

— Ну-ну! — буркнул себе под нос новоприбывший мужчина, но внимания на это никто не обратил, а сил спорить у него не было.

В половине девятого приехала Васина жена, привезла ему куртку и джинсы, вручила каждому остающемуся по огромному апельсину и пожелала всем скорейшего выздоровления.

Они ушли, два красивых, уверенных в себе и друг друга человека, а мы остались. Каждый из оставшихся хотел дожидь до того же радостного момента, когда берешь у врача бумагу — и на выход! А я подумал, что мне и куртку-то привезти некому! И деньги с карты снять, чтоб стоянку оплатить. А выкинул ли я мусор? Дома вонища, поди! А закрыл ли дверь на ключ? Может, там уже два потопы и телевизор вынесли? В голову полезли мелкие мысли вполне здорового человека, с чем я себя и поздравил.

На улице шел мелкий противный дождик, усугубляя вполне себе научно обоснованную и законную депрессию. На улице похолодало. Листья с тополей, что росли на больничной территории прямо напротив наших окон, пожелтели и поредели, и я начал думать над тем — кому можно поручить привезти мне из дома теплую одежду.

Думал долго, листал адресную книгу телефона и понял, что этот вопрос для меня пока остается открытым. Пока листал — удалил штук двадцать контактов и мог бы удалить еще столько же, но оставил это на потом. Почему я раньше думал, что чем больше адресов в телефоне, тем я круче? Что толку с людей, которым плевать вообще — жив ты или нет?

Потом отправил два сообщения про свою хворобу: Насте и отцу. Без подробностей. Просто проинформировал, что лежу в больнице после укуса клеща. Поглядим — кто вперед ответит, если вообще кто-то ответит. Потом спохватился и позвонил Даниловне. Поблагодарил за лекарство. Она, как всегда, была немногословна. Лишь сказала, что лекарство купил шеф и пожелала не болеть. Про то, что лекарство мы делим напополам с деревенским пареньком, я не сказал.

Пока я писал сообщения, пришли уборщицы и вымыли пол в нашей палате. Они это делали каждый день в первой половине дня, и я сделал еще одно открытие: сколько же народу надо, чтобы содержать подобное заведение? Сколько денег!

Новоиспеченный больной, получив свою дозу лекарства, довольно бодро поднялся, сходил в столовую, а вернувшись, напялил на нос очки с резинкой вместо дужек, достал из большой сумки потрепанную «Роман-газету» за какой-то древний год и погрузился в чтение. А бородатый немой постоялец слопал из холодильника всю Васину маралатину, вынул из-под кровати крышку для унитаза и пошел в туалет.

— Во, мечет! — прокомментировал алкаш, когда немой вышел из палаты. — Такой худой, а жрет как после войны!

— Мой отец после инсульта тоже жрал, — сообщил Петя, сидя на своей кровати и разминая мышцы шеи. — Жрал, жрал, а потом помер. Это у них особенность такая. Ну, жрать после инсульта.

— Какого только дерьма не насмотришься! — вздохнул алкаш. — Быстрей бы уж хоть что-нибудь вспомнить да свалить отсюда! Выпить бы! Серый! У тебя бабки есть? Давай я за пивком метнусь? Вместе раздавим. Глядишь — чего и вспомнится!

— Нет, на бухло у меня точно бабок нет. Тем более что тут пить нельзя. Тем более тебе. Ты же от бухла спятил — и тебе еще мало?

— Я не спятил! Я память потерял! Ты базар фильтруй! Закрысил бабло — да и хер на тебя! Я и без тебя тут на шкалик нарую!

Алкаш резко подскочил с кровати, повернулся направо, уперся в глухую стену с рукомойником и встал как вскопанный. Потом медленно развернулся и пошел в сторону двери.

— Вот она, оказывается, где! Чё-та я рамсы попутал! Не туда очко протащил!

И скрылся в коридоре.

Вечером позвонил отец. Поинтересовался всем тем, чем обычно интересуются у тех, кто болен. Я не стал ему рассказывать про паралич, сообщив лишь, что принимает высокая температура и ломота в ногах и глазах. Он пожалел, что не может прилететь: они уже взяли билеты на самолет и всей семьей завтра вылетают в Сочи. Спросил — не надо ли денег. Я ответил, что не надо, и пожелал удачного отпуска. Это наши обычные с отцом отношения: жив, здоров — и слава богу! Нездоров? Ну, выздоравливай!

На ужин я впервые сходил в столовую. Взял только первое и чай. Вкусовые ощущения, к счастью, не притупились, чуйка работала, и рассольник я съел с удовольствием. Глазами бы поел и кашу, но желудок оказалась полон.

Допивая чай, я встретился глазами с красавицей из двести первой. Она сидела за столом напротив, не торопясь ела свою пайку и разговаривала с какой-то теткой без талии и шеи в красном шелковом халате. Она снова кивнула мне, и я кивнул ей в ответ. Видимо, тут было принято быть добрым и отзывчивым, и я начинал привыкать к тому, что человек человеку волк только тогда, когда здоров. А тут все — больные, а значит братья: делить нечего.

Со мной уже здоровались все медсестры, и я понял, что это дело рук Светы: рассказала, поди, про то, как я пацану три ампулы пожертвовал? Одна сестричка была очень так ничего из себя. Худенькая фигурка, затянутая в бело-голубой халатик в обтяжку — знает, чертовка, что хороша! — огромные глаза под белой челкой. «Вот бы такая краля нашу палату обслуживала!» — думал я иной раз, провожая взглядом ее, идущую по длинному коридору.

«Ну и зачем тебе бы это было нужно? Какая разница — кто тебе клизму ставит?» — задавал я себе логичный вопрос и сам над собой смеялся.

Вечером после всех процедур я налил в грелку горячей воды и лег послушать музыку. Еще днем я сходил в ларек на первом этаже и купил наушники к своему

смартфону. Жаль, что не догадался взять свои из дома! Но я почувствовал, что без общения с внешним миром мне становится скучно и пожертвовал двумя сотнями. Не успел я лечь и настроить радио, как новый сосед открыл свою «Роман-газету» примерно на середине, потом резко закрыл и сказал, повернувшись ко мне:

— Ну кто эту дурь придумал?!

— Честно — не я! — ответил я.

— Тут по сюжету дед решил помереть! Ему под сто лет, но он еще бабу молодую вовсю пежит! Но почуял, видите ли, смерть и решил уйти красиво! Чем он ее почуял? Где? В каком месте? Хер стоит — значит, жизнь продолжается! Это закон природы! Но это бы еще ладно! Этот горе-писатель, знаешь, что дальше пишет?

Дядька резко сел, и я подумал: «Что он вообще тут делает? Ну никак он не походит на больного энцефалитом! Вылечился с одной капельницы? Мне бы так!»

— Чё-то не найду. Ну, одним словом, он решил смерти не ждать, а сделать плот и потонуть! И сделал плот! И поплыл к порогу. А баба евойная бежала вдоль реки и орала, чтоб он одумался и вернулся! А он в порог — бултых! И Вася не чешишь! Ты просек?

Мужик выдержал паузу, для того чтобы я просек поглубже.

— Помирать решил, а плот сделал! Ты когда-нибудь плоты делал? Это — дерево завали, потом обсучуй, потом ошкури... — он на пару секунд возмущенно задумался, потом в молчаливом споре с автором романа отыграл немного назад, — ну хотя если на тот свет торопиться, то можно, конечно, и не шкурить. Ну ладно, допустим! Но сучковать-то все одно надо!

Он загибал пальцы, считая количество действий, требующихся для того, чтобы утопиться на плоту собственного изготовления.

— Трелевать до речки надо! На берегу-то лес валить кто тебе даст? Пилить на сутунки надо! На одного человека, чтоб плот не кувыркался, четыре бревна — это самое малое. А собирать чем? Если на кожу руку, да чтоб вернее сдохнуть — можно, конечно, и скобой, но за ей же опять в магазин ехать надо! А тут про магазин ни слова нету! И скоба-то денег стоит, а он из тайги по сюжету всю жизнь не выходил! Откуда тогда деньги на скобу? А черемухой через пердуну бревна крутить да клинить — здоровья надо — я те дам! А он-то смерть уж чуует! Вот она, костлявая! Ты сечешь! А у самого здоровья — еще на пятерых! Он ее чё — за полвека почуял? Дык нынешним тогда чё — в двадцать лет топиться начинать? Не, это не роман. Это я в сортире положу. Там ему место. Это значит — человек пишет про то, что сам не прочувствовал! Это значит, что автор этот — не писатель, а кто? Правильно! Враль! Вон! Глянь вокруг! Тут, поди, через одного смерть почуяли! Че-то никто плоты вязать не побежал! И опять же...

Тут он еще раз глянул на меня, замолк, потом присмотрелся ко мне и ахнул:

— Эка тебя перекосило! Ты тоже с энцефалитом?

— Да! Он самый! — грустно улыбнулся я. — И нога с рукой ослабли. Левые.

Мужик поцокал языком и покачал головой:

— Крепко тебя прижало! Тебе сколько сейчас годков?

— Не поверите, но тридцать три. Критическая цифра. Вот и не верь после этого в приметы!

— Меня в восьмидесятом так же треснуло. Это уж скоро сорок лет как. Лежал бревном. Все отказало! Морду, правда, не перекосило. А работали на Дальнем Востоке. Места глухие. Пока вертолет вызвали, пока погоду дождались. Так там одна бабка меня травами поила неделю. Смешивала крапиву с шиповником и чагой и вливала в меня этот взвар литрами, пока я с прадедушкой в бреду здоровался. В тех местах как раз Зильбер клеща начинал изучать до войны. Там его — просто

жуть! Месяца три потом отходил. Какой! Больше! С тех пор, сколько ни кусали, — ничего! И вот пожалуйста!

— А я тут лжаслул, что второй раз энцефалитом человек не болеет, — сказал я деду неуверенно.

— Я тоже так считал. Но симптомы все похожие. Правда, слабенько пока, но головка бо-бо как в тот раз. Такое не забудешь и через сто лет! И суставы ломают. И клещ две недели как тпнул на даче, язви его! А клещ-то клещу рознь! Есть дальневосточный, а есть тутошный. Есть собачий, а есть человеческий. Да мало ли какие еще есть? Ни хера ж не изучают сейчас! Энцефалит да Лайм знают. А сколько там новой заразы на нем образовалось? Это Зильбер со своей бригадой клеща изучал! В нищей стране в двадцатые годы институт вирусологии создали такой, что до сих пор работает! Почему? Потому что Сталин страной управлял, а не эта шпана! Ценой жизни клещей изучали! Получили приказ — и выполнили! Их потом в тюрьмы сажать попробовали, так они там за неделю отвар из ягеля придумали от цинги! Сколько народу на севере им жизнями обязано — не пересчитать! И их всех тут же — хлоп! — и в академики! И всем — хлоп! — и Сталинскую премию! Я про этого Зильбера много читал! Мы ж как раз в тех местах... «Два капитана» Вениамина Каверина небось читал? Так вот Зильбер — это родной брат того самого Вениамина! Он такой же Каверин, как и я. Зато какое отношение было к делу! Какой подход! Профессионалы! За совесть и за страх в нашей стране лучше работают, чем за доллары! А сейчас знаешь, сколько укол стоит, если клещ укусит?

— Знаю! — заверил я дядьку. — Восемь восемьсот четыре дозы. Отдаешь бабки — и через неделю тебе перекашивает харю. Вопрос: в какой руке резинка?

— А, так ты ставил гамма-глобулин? И не помогло?

— Я его ставил на пятый день после укуса. Или на шестой. Я уже и не помню точно.

— Знаешь, что я тебе скажу, паря? — дядька пошевелил в голове свою библиотеку и веско молвил: — Думаю, что если тебя после глобулина так стукнуло, то без него ты бы сейчас со святым Петром беседовал о том, дева она или все-таки сосед ей малость вдул? Ладно, спать мне пора. Что-то я тебе еще хотел сказать! Завтра епмоню. У нас с тобой времени свободного теперь много. Меня Константин Геннадьевич зовут. Давай просто Костя, а то длинновато получается.

— Рад знакомству, Костя! Сергей! Спокойной ночи!

Лично для меня пожелание спокойной ночи теперь имело совсем иной смысл и звучало как пожелание такого блага, выше которого с лету и не придумать.

Костя задраил люки и быстро прихрапнул. Я осмотрел палату. Беспамятный до сих пор не появлялся, Петя лежал под одеялом и тихо посапывал, инсульт кушал из литровой банки что-то, что привезла ему днем бабка. Его родня в палату не заходила, и они встречались в вестибюле на первом этаже.

Все в моей родной палате как обычно. Все привычно, на местах, и безумно радует то, что больше нет приступов лихорадки с непереносимой температурой. Болит голова, болят суставы ног и икроножные мышцы, болит шея, болят глаза, если пытаешься ими вращать. Но все это — ничто по сравнению с температурой сорок градусов и выше, с галлюцинациями и бредом. Я включил музыку в наушниках и даже не заметил, как уснул.

Восемнадцатое сентября началось так же, как и все предыдущие дни лежания в больнице: капельница, уколы, анализы, потом еще часик сна и завтрак. Вены у всех были как у старых наркоманов. Задницы болели от десяти-пятнадцати ежесуточных уколов, но жизнь как-то начала устаканиваться. Температура у меня в эту ночь не поднималась выше тридцати восьми. Петя тоже чувствовал себя

гораздо лучше. Костя еще спал, а инсульт уже упылил в пищеблок. Мы с Петей тоже решили сходить на наш первый завтрак в этом заведении. Выходя из палаты, я глянул на пустую койку алкаша и спросил у сестры Светланы: не случилось ли чего с товарищем?

— Товарищ в милиции! — обрадовала нас та. — Попытался украсть сумочку у женщины в вестибюле, потом затеял драку с охраной, те вызвали пэ пэ эс. Забрали! Теперь сидит, дурило. У нас тут и не такое бывает!

Когда я взял разнос с беленькой кашницей, на которой плавало желтенькая лужица растопленного масла, кусок белого хлеба и жиденький теплый чай, то хотел сесть куда-нибудь поближе к окну, но потом увидел красавицу из двести первой и нагло уселся прямо перед ней. В этом не было ничего такого. Один больной сел перед другим — не более того. Мне просто хотелось пообщаться с красивой женщиной на другом уровне своего развития.

— Здравствуйте! — громко сказал я, надеясь, что недельная бородка прикроет мой уродливо обвисший рот. — Как ваше ничего?

— Спасибо. Ничего, — с хрипом, еле слышно произнесла она, продолжая черпать ложкой свою порцию каши.

На ней был надет ситцевый халат из тех, что продают около каждой больницы на развалах вместе со сланцами, пижамами, зубными щетками и шоколадными батончиками. Ворот халата был застегнут наглухо, но, когда она подняла голову, я увидел под воротником сине-красные следы, идущие вокруг горла и уходящие к шее. Комок каши застрял у меня во рту. Я опустил глаза и уткнулся глазами в тарелку. Так было даже удобнее: не надо каждый раз вращать глазами в поисках каши на тарелке. Почему-то я решил, что в этом отделении все больные лежат либо после укуса клеща, либо с инсультом.

— У меня странгуляционная борозда на горле, а у вас зато рот кривой! — прошептала девушка и улыбнулась.

Я вдруг почувствовал, что ей хуже, чем мне. Что мои страдания здорового мужика можно хотя бы объяснить названием романа Достоевского, который прислал мне шеф. А у нее-то с шеей что? Вешалась? Вешали? Душили? Тогда что она тут делает? От чего лечится?

— Это да! Кривой. У меня еще левая рука почти парализована. И нога. И глаз, видишь, какой! — выдал я ей вполне спокойно и тоже улыбнулся.

Раз она говорит про свое горло и улыбается — то мне сам бог велел ржать как лошадь! Раз девчонка не распускает нюни — что же я каждый вечер разглядываю себя в зеркале в туалете? Тоже мне — красавец нашелся! Свет мой зеркальце, скажи...

— Это у вас пройдет. Арнольд Борисович — очень хороший врач. А его брат заведует частной клиникой. Я буду долечиваться у него, когда выпишут. Ну, конечно... — она на секунду замялась, допила чай и закончила фразу: — Если денег хватит.

Я хотел спросить: от чего она тут лечится? Но постеснялся. Тоже допил чай и, как истинный джентльмен, проводил даму до палаты и прихватил по пути с поста медсестры ее таблетки. Она еле передвигала ногами. Я подтаскивал левую. Она была в цветном халате за сто семьдесят рублей. Я был в старом синем спортивном костюме с дыркой на локте и вытянутыми коленями. Я был повыше ее и постарше лет на шесть. Мы прекрасно смотрелись вместе!

Я готов был продолжить романтически начавшееся утро. Словно букет роз я вручил ей горсть ее таблеток, закинул в рот свои, мы чокнулись гранеными стаканами с остатками чая, но тут меня окликнул врач:

— Сергей! К вам пришли!

Сам Арнольд Борисович сообщает, что к больному пришли гости! С моей точки зрения это могло быть только в случае, если ко мне приехал шеф или сам губернатор!

Я зашел в палату и в растерянности остановился. На краешке кровати Кости сидела незнакомая мне женщина лет сорока пяти в наброшенном на плечи белом халате и заполняла что-то вроде анкеты. Я прошел к своей кровати, сел и вскоре разобрался, что это за посетитель. Женщина оказалась вирусологом и раз в неделю собирала статистику об укусах клещей по всему городу.

Закончив с Костей, она повернулась ко мне, поздоровалась, поинтересовалась самочувствием и принялась задавать вопросы, отмечая что-то карандашом в специальной форме. Где произошел укус? Когда? Когда нашли клеща? Когда начались первые симптомы? С чего они начались? Что принимали до того, как прибыли сюда? Делали ли когда-нибудь прививку? На все вопросы я ответил минут за десять. Мне показалось чертовски приятно отвечать на вопросы человека, который так тобой интересуется! Пусть по долгу службы! Пусть на десять минут! Но я стал человеком, который кому-то интересен! Жаль, что вопросов оказалось так мало! Я готов был откровенничать с этой женщиной на все темы, словно мне с утра вкололи не какой-то там витамин В1, а сыворотку правды! После меня женщина перешла к Пете и через десять минут ушла, пожелав нам всего наилучшего.

Нас осмотрел Петров, заверил меня, что дело пошло на поправку. И чтобы насчет паралича я не сильно волновался, потому что все в этой жизни поздно или рано проходит. Посоветовал Косте не сильно геройствовать: если это действительно энцефалит, то ожидать можно чего угодно. Покрутил ноги у Пети, выслушал его жалобы на боль в суставах и позвоночнике. Посоветовал дедушке после инсульта меньше кушать и бросить курить. Сделал себе заметки в блокнот и тоже ушел.

Я завалился на койку и стал думать. Я думал о том, что жизнь, оказывается, не вечна, а человек не просто смертен, а смертен внезапно. Эту фразу я слышал в каком-то фильме и теперь она всплыла у меня в больном мозгу.

Сколько мне еще осталось? Полвека? Пять лет? Или пора сколачивать свой плот и плыть к своему порогу? Кто победит по берегу? Не получившая удовольствия Юля? Недодушенная кем-то Снежана? Настя с фингалом? Та училка с криком: «Каштанку» хоть прочти напоследок!» А если осталось немного — что мне надо успеть сделать прежде, чем я скажу: «Привет, бабуля! А памятник я тебе так и не поставил!»

Видимо, первым делом надо поставить памятник! И жениться! Хоть на ком! Как встречу Снежану, так и предложу ей в лоб: да или да? Или ты ведешь меня под венец, или я веду тебя к гинекологу? Решено! На ужине так и предложу! При всех! Чтоб романтичнее было! Когда женщине при всех внезапно делают предложение, то ей, вроде как, и отказать неудобно, и окружающие почему-то всегда «за», хотя фишку вообще не рубят — кто таков женишок и откуда свалился?

Потом я начал представлять, как после болезни вернусь на работу. Наверно, шеф меня переведет на склад шин или поставит командовать мойкой. В центральном зале мне светиться уже вряд ли суждено. Туда возьмут другого. Такого же белозубого хлыща, образ которого должен соответствовать продаваемой продукции: успешный человек средних лет с амбициями, у которого в жизни одна проблема: начать зарабатывать не так много, чтобы успевать тратить хотя бы половину из того что заработал!

Вован будет счастлив! Он поедет в Новосибирск участвовать в каких-нибудь переговорах и в конце концов займет кресло директора. И когда патрон из Новосибира вдруг спросит: «А где у вас тот парень, который приезжал ко мне в конце лета? Я ему хочу предоставить должность главного представителя нашей фирмы

в Берлине!» — то ему ответят: «С парнем случилась неприятность: его кондрашка щелкнула! Он сейчас на инвалидности. Вторая группа, хотя там уже и первую давать можно. Мы его не забываем! Вот, на Новый год послали ему килограммчищенных мандаринов. Хотели шампанским побаловать, да ему алкоголь употреблять нельзя: у него припадок может случиться! И бабы его больше не интересуют. Сидит, слюни пускает, смотрит в белую стену целыми днями и бормочет под нос какую-то ахинею».

И патрон покивает головой и участливо так скажет: «Да-а! Вот какая штука — жизнь! Как ни крутись — а жопа сзади! Ну, здоровья ему!» И ведь не возразишь!

Потом я уснул и проспал обед. Меня пытался разбудить Петя, но я отмахнулся и проснулся только в четыре часа дня. Не успел я вернуться из туалета, как Константин Геннадьевич отложил в сторону очередную «Роман-газету» и закричал:

— Вспомнил! Вспомнил, что хотел вчера еще сказать!

Я вытащил из-под руки градусник и глянул на противно пищущий аппаратик. Тридцать семь и три. Надеюсь, график температуры действительно двух-, а не трех- или четырехгорбый, и впереди меня ждет долгая, но финишная прямая выздоровления!

— Помнишь? Там эта жинка его бежала за плотом до тех пор, пока этот мерин сивый в порог не ушел!

Изображая двумя пальцами правой руки бегущего человека, а левой ладонью падающий вниз плот, Костя азартно продолжил: — Вранье! Раз порог — значит, речка горная, дикая. Заросшее все вокруг. Глыбняк торчит. Ивняк по берегу, смородина, ольха, кочки. Комары, обратно, жрут. По кустам она за плотом, что ли, как сохатый ломилась? По кочкам прыгала? Так я тебе доложу: по кочкам много не напрыгаешь! Или дед, как смерть почуял, ей там тропинку прорубил до самого порога? Мол — беги, милая, все десять верст, все для тебя! Или шоссе заасфальтировал? Оставайся в тайге с дитем, а я вчера, как тебе третью палку кинул, — смерть почуял. Пойду-ка топонусь! Да не просто в омут сигану — а непременно с плотом! Итожим: раз до порога он плыл — значит, идти было там... — Костя гордо поднял седую бороду и погрозил богу пальцем: — Не-воз-можно! А уж тем более бежать!

Я встал и зааплодировал.

— Костя, вы кем работаете? В вас пропадает Холмс!

— Да уж. Я нынче уже на пенсии. А так всю жизнь строителем проработал. В «Спецстрое». Чего только не построили! От казармы на китайской границе до завода по переработке ядерных отходов. Всю страну объездил от Оби до Тихого океана.

— Офигенно круто! — только и сказал в ответ я, снова понимая, что мои амбиции с новомодным унитазом были, мягко говоря, не теми целями, ради которых следовало бы жить.

Косте начали постоянно звонить. За день он ответил на дюжину звонков, причем, как я понимал из разговоров, звонили из разных городов люди, с которыми он давно не встречался. Многие рвались приехать и сделать все возможное, а также поставить на уши главврача, устроить разнос горздраву, дать пинка крайздраву, пошевелить минздрав и даже пошуметь в администрации президента. На все подобные предложения Константин Геннадьевич отвечал решительным отказом и пресекал на корню попытки перевести его в какую-то элитную клинику.

— Я завсегда с народом жил — с народом и помирать буду! — шутил он в свой простенький китайский телефончик с большими кнопками и маленьким экраном, выходя для разговора в коридор, если в палате в это время кто-нибудь спал.

Называть его Костей у меня больше язык не поворачивался, хотя сам патриарх «Спецстроя» вел себя так, словно всю жизнь проработал пастухом в колхозе.

— Вот шум подняли! — улыбался он, включая в розетку разрядившийся телефон. — Неделю тут полежу и обратно на дачу поеду! Там бабка одна в огороде пурхается. Сын обещал подъехать, так с него какой работник в огороде-то.

Да! Еще что забыл! Ты знаешь с какой скоростью плот по горной реке плывет? Где его бабе-то в кирзовых сапогах догнать? Или ей медведь кроссовки выдал? И опять же — плоту кормило надо! Руль! Посреди Енисея плыть — и то руль нужен! Или он на шесте пошел, болезный? Нет, гаже книжки я не читал. А вот «Два капитана» Каверина — там все продумано! Потому что человек сначала понял тему! Шкурой прочувствовал! Душой вник, а потом душу эту свою на бумагу и вывернул. Потому Каверина будут и через сто лет читать, а эту лабуду спустят в унитаз и завтра забудут! Ты что сейчас читаешь?

Этого вопроса я ждал. Как любой честный человек считает всех окружающих такими же честными, так и любой читающий человек обязательно задает собеседнику этот вопрос. Что читаете? Или — какая книжка из последних вам запомнилась? Или — не посоветуете ли что-нибудь, а то уже все перечитал? Или — а помните, как герой такого-то бессмертного романа говорит своему мучителю перед смертью...

— Времени на чтение у меня совершенно нет! Вот, взял с собой Достоевского. Но пока глаза болят. Так что только радио могу слушать.

— Да-да, конечно! Глаза! Помню, тогда у меня развилась страшная светобоязнь. Потом пил то чернику, то девясил. И мед ел. Обязательно ешьте мед! К черту таблетки! Наберите осенью шиповник, засушите и пейте всю зиму с медом! Мне семьдесят семь, а я струей на даче метровый снег прожигаю. А пришел как-то раз в поликлинику с внучкой — там половина больных младше сорока! Сидит парень молодой. В очках, сгорбился, кашляет! Это же позор: так выглядеть в тридцать лет! Ну ты, я вижу, со спортом дружишь?

— По крайней мере — дружил. Не курю. Стараюсь не пить.

— А остальное пройдет! Была бы воля и желание! Только вот совсем не пить я бы никому не рекомендовал. Рюмка хорошего коньяка перед супчиком в субботу еще никому не повредила! И читать! Те, кто читают книги, всегда будут умнее тех, кто слушает радио!

Алле! А, привет, родная! Да вот, беседую с молодым человеком, у которого тот же диагноз. О чем еще беседуют в больницах? О здоровье! Да, еще немного болит, но я тут постараюсь не задерживаться. Лечат? Отлично лечат! Питание? Помнишь тот ресторан, в котором мы с тобой справляли золотую свадьбу? Так вот здесь работает повар из этого ресторана! Картошку без меня не копайте! Да все тут замечательно! Кровать вот только неудобная. Вдвоем с медсестрой на ней тесновато! А я серьезно!

Когда заслуженный строитель закончил разговор с супругой, я по секрету сообщил ему, что эта кровать предназначалась изначально мне, но при первой же возможности я от нее избавился. Теперь мне стыдно, и я готов все вернуть в первоначальное состояние. Тот оживился, плотоядно осмотрел ряд из трех пустых кроватей, стоящих торцами вплотную к внутренней стене палаты, резко встал, и его тут же шатнуло из стороны в сторону. Он схватился за спинку своей койки и несколько секунд постоял, приучая мозжечок к вертикальным реалиям тела.

— Вот что значит — лежать без дела! — выругался он и зло потер лоб и затылок. — Человек — существо деятельное! Безделье убивает мозг и превращает нас обратно в обезьян! В рептилий!

Он осторожно сделал шаг вперед, поймал равновесие и принялся ощупывать казенную мебель. Лучшей кроватью оказалась та, на которой проживал забуянивший алкаш. При помощи Пети мы за две минуты сделали перестановку, и Спецстрой продолжил чтение своей «Роман-газеты» в гораздо более комфортных условиях.

— Что из Достоевского ты читаешь? — вдруг отложил он свое чтение.

— «Преступление и наказание». Только я его не читаю, — напомнил я.

— Да-да, когда глаза болят — лучше их лишний раз не напрягать. А я вот думаю: живи Федор Михайлович сейчас — стал бы он писать этот свой роман или нет? А если бы стал — сколько старушек ему велел бы загубить редактор?

Ведь открываешь нынешних горе-писателей — на первой же странице восемь трупов. Этакие второстепенные персонажи, о которых и горевать-то незачем. А Достоевский в начале романа убивает двух никчемных старушек, а потом на тысяче страницах копается в душе душегуба! Выскивает светлое там, где его по определению быть не может! И находит! У него второстепенных людей нет! Каждый уникален. Это настолько несовременно, что надо радоваться тому, что плеяда великих русских писателей жила в веке девятнадцатом! Сейчас в каждой книжонке есть очень плохой персонаж, бяка и ходячее скопище пороков, с которым борется и которого стабильно побеждает этаким ангел! Красивый неженатый парень с пистолетом Макарова. Супермен, ети его за ногу! А у Достоевского нет плохих и нет хороших. Нет красавцев и уродов. Есть просто люди. Одинаково страдающие. Сделанные по одному образу. Каждый может пасть, но потом подняться! Кто сейчас напишет хоть близко похожее? Никто! Потому что читать это нынче некому! Это сложно, требует раздумий и работы мозга и души! Грустно!

Ты знаешь, какие тиражи были у толстых литературных журналов полвека назад? И сколько их было — этих самых журналов? Из самой читающей страны в мире мы превратились в страну торгашей. А у торгашей нет души. Нет совести. Нет родины. У них есть только прибыль. Бабло. Навар. Деньги — штрих. Во Франции три ломбарда, а тут только вокруг больницы — восемь. Тебе, как таежнику, это все должно быть хорошо известно. Я почему и читаю старые «Роман-газеты»: в те времена книги еще писали писатели, а не наперсточники. Хотя тоже не всегда.

И он снова забрался под свой журнал.

Я лежал и думал: сказать ему, что я торгош, а не таежник, или не стоит? Дедушка был настолько эмоционален, сведущ в разных темах, бит жизнью и идейный в плане возрождения СССР под руководством товарища Сталина, что спорить с ним смысла не было. Поэтому я выдал лишь многозначительное «Да-а!» и промолчал.

На ужин я шел как на первое свидание. Из таблички, под которой я брал ее таблетки, я знал, что мою невесту зовут Снежана. Из страшных знаков на ее горле я догадался, что кто-то недавно на ее тропе поставил петлю, в результате чего, как я решил, оказались повреждены шейные позвонки. Больше я не знал про нее ничего, но зато твердо знал, что сейчас сделаю ей предложение.

По дороге в пищеблок я заглянул в ее палату. Там стояло восемь коек. В воздухе висел нездоровый запах неходячего больного, который зорко смотрел на меня из дальнего угла палаты. Древняя старуха с беззубым ртом, ввалившимися глазами и уткой под кроватью пыталась понять — зачем мужчина заглядывает в женскую палату? Больше в палате никого не было, и я прошел в столовую.

Взяв разнос с небогатым ужином, состоящим из традиционной каши и чая, я нашел глазами Снежану. Все места вокруг нее были заняты. Одна из женщин из ее палаты, заметив меня, толкнула соседку по столу и кивнула в мою сторону. Та в свою очередь вытаращилась на меня и что-то сказала третьей. Через десять секунд на меня пялился весь женский стол. Все, кроме Снежаны, разглядывали меня как скелет мамонта в музее! Овцы тупые! Ну, прогулялись люди после завтрака от столовой до дверей палаты и выпили вместе чай! Что с того? Теперь полбольницы неделю будет кудахтать про новый больничный роман! Нет, в таких условиях я предложение делать решительно не могу!

Я сел за стол к мужикам и уткнулся взглядом в миску. Народ молча чавкал. Кто-то не доедал и бросал кусок хлеба в остаток каши. Этих явно подкармливали из дома. Кто-то подскребал все до дна и проходил по дну миски хлебным мякишем. Эти шли на поправку. Кто-то во время еды смотрел на баб. Кто-то — в окно. Третьи — в тарелку. Нынче я относился к третьей группе. Подобрав кашу, я краем глаза увидел, что Снежана понесла грязную посуду в посудомойку и направился за ней следом. Из столовой она вышла первой, но я догнал ее и спросил так, словно она была моей подругой детства:

— Тебе таблетки в палату принести или тут проглотим? У тебя их нынче всего две, а у меня четыре! Выздоровливаю вдвое быстрее тебя! Как поправлюсь — сразу побреюсь и сделаю тебе предложение!

— Спасибо! Очень романтично. Жаль, что я уже замужем! — прошептала та, мило улыбаясь улыбкой учительницы младших классов для детей с отставанием в развитии.

— Это ты поторопилась! — в прямом смысле криво усмехнулся я, подавая ей ее таблетки.

Почему мне в голову не пришло, что люди могут быть замужем, при этом не за мной и удачно? Какая моча стукнула мне в большую голову? Она посмотрела на меня, как на забавную зверушку в зоопарке, снова мило улыбнулась, пожелала доброй ночи и ушла в палату.

Я оглянулся. Из коридора на мою согбенную спину пялился поужинавший курятник ее соседок по несчастью. Стоило мне отойти на три метра — в коридоре послышался женский язвительный смешок. Змеиное шипение в сравнении с ним для меня звучало бы сейчас небесной музыкой! Теперь разговоров будет не на неделю — на год! Чтоб вы там все окосели, овцы пучеглазые! А эта замужем! И так счастлива, что из петли только достать успели! А может, она и не замужем вовсе, а просто нашла дипломатичный способ послать меня подальше с моим параличом? В таком случае понять ее можно.

Но я-то каков идиот! Рассиропился! Продолжаю мыслить старыми мерками. Думаю теми, старыми, мозгами. Тело переродилось из бабочки в навозного жука так быстро, что мозг за ним не успел. Как все глупо! Все никак не могу привыкнуть к тому, что я — никому не нужный урод, а не прежний красавец!

Я почистил зубы, съел яблоко, измерил температуру, проглотил таблетки, приложил грелку к заднице, воткнул в мозг наушники, куснул шоколадку и погрузился в «Ретро ФМ» и злобные раздумья. На ком еще можно жениться? И это ли мне сейчас необходимо?

После некоторых раздумий я достал телефон и написал сообщение Юле: «Попал в больницу. Состояние тяжелое. Если хочешь увидеться — приезжай по адресу такому-то, палата номер такой-то». Через пять минут пришел ответ: «Сочувствую, но приехать не могу. У меня тоже проблемы».

У нее проблемы! Мне бы твои проблемы! Хотя злости к ней я не испытывал. Вспомнил, как мы с ней играли в бильярд и пили вино на горке. А потом она заявила, что она ничего не почувствовала! Не, такая мне в жены точно не годится! Переотправил это же сообщение своей знакомой училке. Пришел еще более обнадеживающий ответ: «Лечись там!» Да пошли вы все!

Девятнадцатое сентября началось как обычно. Сестра Галина растормошила меня в шесть тридцать и изящно воткнула иглу в мою синюю вену.

— Простите, а вы замужем? — внезапно ляпнул я.

— Конечно! — не моргнув глазом ответила та, колдуя над веной Константина Геннадьевича.

— Счастливы? — мрачно уточнил я.

— Конечно! Я жива. Здорова. У меня хороший муж. Четверо детей. Я работаю. Муж работает. У нас все прекрасно!

— Четверо детей — это для нашего времени много! — пробило меня с утра на философский разговор. — У моей бабушки тоже было четверо детей. А у меня нет ни сестер, ни братьев. Вернее, они есть, но они живут с отцом. У них своя семья. А моя мама от нас сбежала, когда я был маленький. Уехала к мужчине, которого любила больше, чем моего папу.

Сестра Галина, поставив капельницу Спецстрою, повернулась ко мне и строго сообщила:

— Ей нет прощения! Она совершила величайший грех! Господь ее покарает! Приходи в наш дом молитвы. Там тебя встретят как брата! Твоя душа больна, твое тело больно, и только в нашей церкви можно исцелиться и найти себя! Я принесу тебе книгу о том, как спасти душу.

Она сходила за другим штативом, воткнула капельницу Пете и зацокала в другую палату.

— Вот мракобесы! — подал возмущенный голос Спецстрой. — Всякой ерундой мозги людям забивают! А! Кстати! Про тот роман я еще что хотел сказать: деду было под сто лет. Значит он был кто? Правильно! Крещеный! Либо вообще старовер, если жил отшельником в такой глуши. О каком самоубийстве речь! Для них это страшный грех! Всю жизнь в церкви поклоны бить, свечи ставить, а под конец жизни одним движением руки пустить все свои потуги под откос? Этот роман я из сортира сегодня уберу. Им даже зад подтирать нельзя!

Когда в моей капельнице кончился раствор, я сам выдернул иглу из вены, а потом помог выдернуть иглы остальным. Вынес штативы в процедурную, поздоровался с медсестрами, дождался уколов и снова завалился спать. Мое состояние медленно, но верно улучшалось. Температура немного повышалась ночью, а днем уже не поднималась выше тридцати семи. Голова держалась почти прямо. А вот левая нога по-прежнему ничего не чувствовала ниже колена, а левая рука едва держала кусок хлеба.

Сходили на завтрак. Я молча кивнул Снежане издалека, быстро съел кашу и ушел в палату. Около десяти к нам зашел Арнольд Борисович и сообщил Константину Геннадьевичу, что через неделю его не отпустит: в крови обнаружился классический активный вирус клещевого энцефалита, поэтому он вынужден задержать пациента на три недели и пролечить его полным курсом. На возражения Спецстроя о том, что чувствует он себя лучше, чем вчера, и ему надо копать картошку, Петров только развел руками и предложил пациенту сбежать ночью, убив дежурную сестру, охранника и угнав карету скорой помощи.

— Константин Геннадьевич! Вы взрослый человек и все прекрасно понимаете! Мне нравится ваш боевой настрой! Я знаю, что вы уже болели энцефалитом. Повторное заболевание — случай очень редкий, но, к сожалению, не единственный. Предрассудков в отношении клеща в русском народе очень много. Кто-то думает, что второй раз точно не заболеет, кто-то — что в сентябре клещ не заразен. Кто-то, заболев, выпивает литр водки в надежде убить вирус. Прошу вас! Будьте добры! Пролечитесь все положенные вам три недели и не дергайте бога за бороду. Не вам рассказывать, какие бывают у этой заразы последствия!

Я сжал Петрову пальцы, высунул язык. Тот поколол меня иголкой в пятку, попросил лечь на спину и согнуть ноги так, чтобы колени коснулись подбородка. Я едва дотянул ноги до середины живота и сморщился от боли в позвоночнике.

— Достаточно, спасибо! Могу вам сказать: могло быть гораздо хуже. Такой рецидив, как у вас, излечивается примерно за полгода-год. Возможно, какие-то

симптомы останутся навсегда, но организм у вас хорошо сопротивляется, а курс лечения мы с вами выбрали верный. Правда, анализ крови пока активного вируса не показывает, но это обычная практика. Есть, конечно, метод отбора спинно-мозговой жидкости, и я вам обязан об этом сообщить. Вы можете потребовать сделать такой анализ. Но я бы, честно говоря, не советовал. Без особой нужды тыкать иглой в спинной мозг... Ну, скажем так, это не самая безопасная процедура. Вот и лицо у вас уже почти в порядке! Зачем лишний раз рисковать? Дольше трех недель я вас тут лечить не имею права в любом случае, если вас, конечно, не перевести в реанимацию. Так что долечиваться вы будете на дому. Походите в поликлинику на процедуры. Есть хорошая частная клиника, которая специализируется на неврологии. Вот их визитка! — И Петров протянул мне карточку с телефонами, сайтом и электронной почтой по краям, в центре визитки золотыми буквами было выдавлено: Моисей Борисович Авербах, к.м.н.

«Кругом братья! Что Зильбер с Кавериним, что Петров с Авербахом!» — подумал я и поблагодарил Петрова за к.м.н. Авербаха.

После обеда в палату в сопровождении медбрата вошел старый знакомый, который пытался упереть сумочку и был пойман охраной. Мы никак не ожидали увидеть его тут еще раз! Я хотел было отпустить какую-нибудь шуточку в его адрес. Потом решил, что он сейчас ляжет на свою старую койку и возмутится тем, что она продавлена чуть ли не до пола. Но взгляд у того был совершенно потерянный, и я вдруг понял: он не помнит, что был здесь! У него реально амнезия!

Пациента провели в дальний угол и положили на то место, где несколько дней назад помер от инсульта толстый дядька. Та кровать оказалась ничуть не лучше моей прежней. Амнезия лег на матрац в чем был, несколько минут полежал, потом встал и усталился на Петьку.

— Ты же моего брата знаешь? — спросил он пацана.

— Не-е! — неуверенно ответил тот.

— Ну как нет! Ты же жил с ним в соседнем доме! Как его фамилия? Я забыл, как брата моего фамилия! Черт!

— Не, я твоего брата не знаю! — ответил Петя, потом достал свой мобильник и стал втихую снимать сумасшедшего на камеру.

Амнезия лег лицом вниз, пробормотал:

— Ну как же фамилия-то у брата? Угнездились, суки, жрать тут на халяву! Я самолет на вас направлю! — и надолго замолчал.

У Спецстроя, как обычно, разрывался телефон. Он сюсюкал с внучкой, давал советы по заливке бетона на морозе, отбивался от копченого поросенка с хреном и самогонкой, просил извинить за то, что не может выкопать картошку.

А мой телефон молчал. Я раз за разом перелистывал адресную книгу, и список имен там становился все короче и короче. Казавшиеся когда-то нужными, люди исчезали из памяти аппарата — и мир не рушился! Я понимал, что начинать жить с чистого листа трудно, но иного выхода жизнь мне не оставила. И вдруг перед обедом телефон зазвонил. Я мельком глянул на Спецстроя: мол — хоть тебе и больше звонят, но и про меня не забыли!

— Але! Сергей? Это звонит бухгалтер ТСЖ. У вас задолженность по квартплате уже второй месяц! Когда вы сможете ее погасить? И показания счетчиков за прошлый месяц я от вас не вижу! У нас долг перед теплоснабжающей компанией уже почти полмиллиона!

Я ошарашенно помолчал, потом выдавил:

— Я в больницу попал. Выйду только в конце месяца. Там с моей квартирой все в порядке?

— И что? Ну попросили бы кого-нибудь! Ну прямо детский сад какой-то! Ко мне тут уже прокуратура скоро придет! Как будете дома — сразу зайдите в правление!

Раздались короткие гудки. Я включил радио, закрыл глаза и снова задумался. И первым делом я задумался над тем, что если бы я не лежал в больнице, то столько раз за неделю никогда бы не задумывался! Человек или здоров и счастлив, или философ.

Время — вот главное богатство человека! Время для того, чтобы понять: ради чего живешь? Кто твой друг и стоит ли тратить золото времени на такую мелочь, как разборки с разными дурачками? И еще я подумал, что больничной пайки мне уже не хватает, яблоки кончились, шоколадки заканчиваются, и мне пора попытаться выйти на свежий воздух.

Погода стояла пасмурная, но дождя не было. К обеду пригрело и даже на часик вылезло солнце. Я решил проверить количество денег на карточке и, если мне перевели какую-то сумму, побаловать себя свежими фруктами. Я знал, что недалеко от больницы есть супермаркет с банкоматами и персиками. Надел кроссовки, взял барсетку и спросил дежурившую сестру: нельзя ли мне немного прогуляться. Она сказала, что это нарушение дисциплины, но не криминальное: тут не тюрьма. Главное, чтобы вернулся к следующему уколу и не напился по дороге. Я заверил ее, что через час вернусь и вышел из больницы. Осенний воздух опьянил! Я сел на ближайшую лавочку, зажмурился и подставил лицо солнышку. Живой! Самое страшное позади. Что будет дальше — совершенно непонятно, но главное — я живой. Мне становится все лучше. Я почти не хромаю и рот стал гораздо ровнее. А руку буду постепенно разрабатывать. Куплю массажер, похожу к Раппопорту — или как его там — и через год буду вспоминать свои страдания как страшный сон про зеленых коней!

Через дорогу от больницы я увидел пару ларьков с фруктами и колбасой и павильон «Интим». Реклама последнего заключалась в двух огромных цветных фотографиях изнемогающих от желания женщин, смотрящих в сторону отделения хирургии. Зачем перед больницей поставили такой ларек? Подошел к фруктовому и увидел надпись: «Йяблоки! Очин сладкий!», сделанную черным фломастером на боку коробки с яблоками. Не утерпел и купил три персика, одну грушу, попросил нерусскую продавщицу все это помыть и пошел вниз по улице, жуя персики и закусывая сочной спелой грушей. После пригоршней таблеток и жиденькой кашки организму требовались живые витамины.

Дойдя до магазина, я вошел внутрь и ткнул карточку в банкомат. Денег на счету не было! Дьявол! У меня оставалось четыре сотни на все про все, а бухгалтерия не перевела мне зарплату за август! Я вышел из магазина, достал «Соню» и позвонил в нашу бухгалтерию.

— Нина Васильевна! Добрый день! Я вот дошел до банкомата... денег нет... на карте пусто... за август... Николай Иванович вроде бы говорил...

— Сергей? Да, зарплату мы перевели, но руководство купило вам какое-то лекарство, поэтому ваши средства я перевела в аптеку. Там даже немного не хватило, но Николай Иванович велел доплатить из вашего следующего аванса. Двадцать пятого будет аванс. У вас там будет... что-то около...

Обратно в больницу я шел с таким чувством, словно шел на праздник и вдруг по дороге наступил в говно. Нет, все было правильно! А из каких же еще средств надо было покупать мне лекарство? Из чьего кармана? Если бы, скажем, заболел Вован и мне бы предложили сброситься ему на лейкопластырь... Так что надо сказать спасибо Даниловне за то, что вообще выяснила про эту РНК и тем, возможно, спасла жизнь мне и Петьке. Все так! И когда посреди дороги лежит говно и ты в него наступаешь — тоже ничего страшного. Но запашок...

Прежде чем войти в холл больницы, я еще посидел на лавочке у входа. Отдохнул после дальнего похода, успокоился и решил, что теперь буду сидеть тут каждый день. Медитировать. Думать. Что остается человеку без денег и здоровья? Только одно: думать.

На вечерней капелнице сестра Галина принесла мне обещанную церковную книжку с подробной инструкцией — как спасти душу, во что верить и главное — где? Это была даже не книжка, а брошюра с зеленой обложкой и основными тезисами баптистов на двадцати страницах. Я открыл ее и мельком перелистал. Иисус, бог-отец, бог-сын, Завет. Все, как у нашей обычной церкви! В чем же у них различие, если молятся одному богу? Я был далек от религии и всегда почему-то считал, что баптисты — это что-то совершенно инородное. А тут — Евангелие, Библия, Христос... Все знакомое и где-то даже родное.

— Сами вы вряд ли сразу разберетесь в этой проблеме! Прошу вас: приходите в наш дом для беседы! Вам еще не поздно обрести мир в душе! Вы должны возродиться через любовь к ближнему! Жить без бога в душе — страшный грех! Только возрожденный христианин будет спасен!

Я обещал подумать, перед сном полистал книжку и действительно мало что понял. Я никогда не задумывался о душе, никогда не верил в Бога, но за последние пару недель со мной случилось такое, что сильно поколебало мою веру в себя и в окружающих меня людей. Фактически я транжирил данное мне кем-то свыше время на какую-то ерунду, как наркоман, употребляющий все свои средства только на дурь.

Моя прежняя веселая жизнь внезапно кончилась, и столь же внезапно я узрел себя у разбитого корыта. А те люди, с которыми я тратил отпущенные мне часы и минуты, продолжали веселиться, но уже без меня. Им и так хорошо, а большой человек под боком заставляет задуматься о бренности жизни! Напоминает о проблемах. На помощь ему, на заботу о нем надо тратить все то же время, а его нет: ведь жизнь дана, чтобы веселиться!

Я внезапно вылетел на обочину, а карнавал поехал дальше, оставив меня умирать одного в грязи и темноте. И никто не подал мне руку и не спросил: может, чем-то помочь? Я прекрасно понимал этих людей, потому что сам всегда звонил кому-то только тогда, когда мне было плохо или по каким-то делам. И ни разу! Ни разу я не позвонил той же тете Шуре просто среди недели и не поинтересовался: как здоровье и не надо ли чего? Мне вообще не был интересен никто, кроме себя, не волновали ничьи проблемы, кроме своих. На кого же я теперь обижаюсь? Не мы такие. Жизнь такая. Ой ли?

Поэтому я еще не знал — как сложится моя судьба, после того как я выйду из больницы, но чувствовал, что жить, как прежде, не смогу уже никогда. Я опять же не знал — что поменяю, а что оставлю? С кем подружусь, а с кем расстанусь? Но то, что я что-то поменяю радикально... Уже поменял! Неосознанно, но явно уже изменил свои взгляды на жизнь — это было для меня очевидно.

Поэтому я не стал выкидывать брошюру сестры Галины, а убрал ее в барсетку. Теперь я точно знал: в жизни может случиться такое, чего случиться не может в принципе! И не надо зарекаться и строить планы на годы вперед! Надо в первую очередь смотреть под ноги, а не пялиться за горизонт в надежде увидеть там что-то красивое.

Не надо задирать голову и считать всех окружающих людьми второго сорта. Все люди одинаковые! Это вам скажет любой патологоанатом. И если какая-то религия говорит, что все люди равны — я с этим постулатом полностью согласен уже вторую декаду!

— Че эта ведьма тебе впарила? В монахи зовет? Ща! Разбежались! — поднял крик товарищ с амнезией. — У каждого попа любовница молодая в городе, а

у каждого доктора дома — череп вместо пепельницы! Уроды! Серый! Они с тебя в церкви сразу денег попросят. Чхали они на разные тонкие материи! Им бабло подогнал — и все грехи тебе простили, можно дальше идти на большую дорогу глотки резать. Это развод чистой воды! Не давай им ни копейки! Давай лучше мы с тобой эти бабки пропьем! Знаю этих тварей! Баптисты, херисты, врачи, хреначи... Разговоры с тобой про душу заведут, а потом глядь — кошелек пропал! Ненавижу! И этот Абрамыч туда же! Чё, думаешь — у него таблеток нет, которые бы память мне вернули? Есть! А он их жмет, потому что бабло с меня пытается тянуть! А я ему хер вместо бабла покажу! У меня в башке все, как в тумане, а они мне в жопу какую-то дрянь колют! Я ведь тоже не дурак! Твари они все!

Амнезия отвернулся к стене и забормотал что-то себе под нос. Память к нему не возвращалась, выпить было не на что, и его ломало и бесило абсолютно все. В столовой его невкусно кормили, в туалете плохо помыли, а кровать сильно провисла. Ну, насчет кровати он был прав. Мы очень надеялись, что вскоре его переведут из нашей палаты в какой-нибудь настоящий дурдом с решетками на окнах или снова посадят в милицию. И угадали!

(Окончание в следующем номере.)

